Женщина-зима

Автор:
Алина Знаменская

Женщина-зима

Алина Знаменская

Пусть к другим приходит любовь и в душе у них расцветают цветы. Наверное, люди имеют на это право.

Но у нее в сердце давно поселилась зима.

Ничего романтичного не ждет от жизни сельский врач Полина Мороз. Она потеряла любимого мужа и теперь всю себя отдает окружающим ее людям. Неравнодушный человек, она всегда оказывается в самом центре чужих страстей, семейных драм, трагедий.

Разве могла она предположить, что в ее богом забытый дом в деревне может заглянуть любовь и остаться там надолго?

А может быть, навсегда…

Алина Знаменская

Женщина-зима

Глава 1

Среди ночи ее разбудил стук в окно. Полина открыла глаза и некоторое время лежала без движения, привыкая к полумраку. В боковое окно комнаты заглядывала луна, и свет, отраженный от снега, искрился на плоскости стола. Стук мог присниться. Столько раз ее будил этот стук в ночи, что стал мерещиться. Полина не торопилась покидать уютное тепло постели, ногами чувствуя приятную тяжесть котенка. Стук повторился. Он был негромким, осторожным, но настойчивым. Пришлось выбираться из нагретой «берлоги», шлепать босыми ногами по студеному полу. Прильнула к окну. На ровной белой глади двора шевельнулась тень.

Полина набросила шаль и сунула ноги в тапочки. В сенях остановилась, прислушиваясь к скрипу снега во дворе.

– Кто там?

– Полина, открой. Помощь нужна.

По голосу не разобрала, кто из мужиков вздумал поднять ее среди ночи. Но решила открыть. Знала – не потехи ради притащились к ней в февральскую морозную ночь. Стараясь не приморозить пальцы, рывком отодвинула щеколду и отошла, впуская нежданных гостей. Их оказалось двое. Первым ввалился Игорь Гуськов – боком, неловко согнувшись. Следом, в клубах морозного пара, возник его старший брат Павел. Закрывая за ними дверь, Полина заметила на половицах дорожку из бурых капель.

– Что стряслось? – с тревогой спросила она, хотя и так все поняла. А что тут понимать? Где Гуськовы, там или мордобой, или поножовщина. Чем именно занимались Гуськовы, никто не знал, но слава в селе о них ходила недобрая. Ничего хорошего от их визита Полина не ждала. И злилась на себя за то, что не могла, не умела выставлять за дверь таких вот пациентов. Отвадить бы их раз и навсегда!

– Ты посмотри, Петровна, Игорька. Так, ничего особенного – царапина… Но перевязать все ж не помешало бы…

– Что ж вы из-за царапины людей среди ночи поднимаете? – усмехнулась женщина и приказала: – Стаскивай тулуп!

Осмотрев рану, с упреком проговорила:

– Разуй глаза, Павел! «Царапина»! Вы мне кровищи полон коридор натащили. А ты – царапина!

– Да ладно тебе, Полин, не ругайся. Дело молодое, на Игорьке как на собаке заживет… Ты только перевяжи, сделай как положено.

– У него рана нешуточная, в больницу надо! Крови наверняка много потерял, – снова внимательно вглядываясь в располосованный бок, заключила женщина.

Услышав о себе такие новости, Игорь побледнел, начал заваливаться в сторону.

Павел проворно подставил брату табурет.

– Пустяки… Какая больница, Полин, ночь на дворе! Да и в больнице, сама понимаешь, канитель поднимется. Менты, то-сё… А нам это надо? Нам это не надо.

Полина мыла руки, доставала бинты, йод, вату, но при этом начинала злиться на себя. И на них – Павла, Игоря, на других таких же, не понимающих, что она уже не может их принимать. Она теперь не врач, не фельдшер – вообще никто! После того как фельдшерский пункт в Завидове закрыли, а ее должность сократили. Ей хоть на заборе пиши: не принимаю! Вот объясни им, на что они ее толкают!

– Да меня под суд могут отдать за эти ночные приемы! – ворчала она, обрабатывая рану. – Ни в одном медучреждении не числюсь, а вы не понимаете!

– Мы понимаем, Полин! Ты у нас одна на всю округу! – соловьем разливался Павел. – Мы для тебя – все! Только скажи…

Рана Игоря действительно оказалась неглубокой. Но страху он натерпелся. И едва балансировал на грани сознания.

– Жить будешь, – усмехнулась Полина. – Чего скис?

На всякий случай достала нашатырь. Вот ведь как получается – она из-за таких ночных посетителей даже от собаки вынуждена была отказаться. Рыжего Полкашу отдали отцу, и пес теперь скулил, через забор завидев хозяйку. А иначе нельзя. Как поднимется он на Полининых посетителей, а за ним вся улица. Лай до звезд! А звезды над Завидовом чистые висят, глазастые. Глядят с неба на всю эту канитель и удивляются. Да разве она сама-то себе не удивляется? Ведь думала уже: «Сколько так может продолжаться?»

– Последний раз! – услышала она истовое заверение Гуськова-старшего и поняла, что спросила вслух. Гуськов-младший только скрипел зубами от боли и испуганно следил за ее руками.

– В больницу надо, – повторила она. – С такими ранами не шутят. А если кровотечение возобновится? Вы хоть представляете, что может быть?

– Если возобновится, тогда – да. Тогда – конечно! – истово заверил Павел. Но Полина знала – он себе на уме. Не понимала она этих Гуськовых никогда и, наверное, уже не поймет. Живут бирюками, ни с кем в селе не общаются. Забор такой вокруг дома выстроили, что поневоле заинтересуешься – что за ним может твориться?

Перевязанный Игорь сидел не шевелясь, моргать боялся. Его окровавленная рубаха валялась у ног. Павел порылся в кармане шубняка и вытащил несколько смятых сторублевок, положил на стол.

– Убери деньги. Не надо, – не глядя, строго сказала Полина.

– Бери, Петровна. Ты одна сына поднимаешь, сгодится.

– Не возьму. Ты лучше пообещай, что Ирму свою ко мне в театр отпустишь. У нас фестиваль скоро, в район поедем выступать. Она мне нужна.

– Нашла артистку! – засмеялся Павел неискренне. Полину передернуло. – У нее дома дел полно, ребенок маленький. А ты ее в клуб зовешь – хвостом крутить!

Павел не церемонился. Ничего другого она и не ждала. И вдруг злость ее взяла. Скомкала она сторублевки и засунула в карман Павлова шубняка.

– А у меня, значит, дел нет, что вы меня среди ночи поднимаете?! Вам, значит, надо?! А как мне понадобилось, так это ничего? Обойдусь? Я, выходит, в клубе хвостом кручу? Я виновата, что фельдшерский пункт закрыли и мне работать больше негде, кроме как в клубе? Вот, значит, как вы рассуждаете? – Полина покраснела от злости и обиды. – Ну вот что! Выметайтесь оба! И на перевязку меня не зови! А жену свою можешь на цепь посадить! Может, любить крепче станет!

Полина схватилась за полотенце, словно собиралась отходить им непрошеных гостей.

Павел смотрел на нее, прищурившись, и прикидывал что-то в уме. А Игорь оторопел от ее напора, обернулся к брату:

– Да ладно, Паш, отпусти Ирму, пусть выступит. Что ей сделается? Нужно помочь Полине…

Полина отвернулась, делая вид, что смертельно обиделась. Павел мялся возле стола.

– Да я ничё… Я скажу ей. Если захочет – пусть идет. Только ты это… ты завтра-то приди с утра, проведай Игоря. Мало ли что…

Полина, нахмурившись, молчала, то и дело взглядом натыкаясь на окровавленную рубашку Игоря. Да, конечно, прав Павел, ей деньги нужны, но брать у Гуськовых она не собирается. Ирму жаль до слез. Она выросла у Полины на глазах, а теперь живет, как птица в клетке. Угораздило ведь так вляпаться! Больше всего сейчас Полина хотела, чтобы они ушли. Потому что не желала думать о том, что наденет на забинтованное тело Игорь Гуськов вместо своей мокрой от крови рубахи. Ей все равно. Хотят резать друг друга – их дело. Она спрятала глаза и стала вытирать мокрой тряпкой стол. Но Павла она недооценила. Тот словно мысли ее прочитал. Как только она повернулась спиной к гостям, показывая, что разговор окончен и она свое дело сделала, он сладеньким таким голосом сказал:

– Полин, рубаху-то Игорек попортил малость… Мы, конечно, на машине, не замерзнет, но… как бы это… мать не напугать. Прикрыть бы перевязку-то… Ты бы дала нам какую-никакую рубаху старую… Николая твоего покойного…

Вот тут Полина не сплоховала! Тут она готова была и потому – непреклонна!

Она подняла голову и посмотрела Павлу в лицо. На нем застыло выжидательное, почти подобострастное выражение. Но внутри его глаз таилось полупрезрение-полужалость, и Полина это видела. Она ответила тихо, но оттого и особенно твердо:

– Извини, Павел, но Николая вещи – для меня память. И тебе я ничего из его одежды не дам. Он боролся за жизнь, он ценил, а вы, как… как… – Она почувствовала, что не сможет закончить мысль, что голос сразу же перестал ей подчиняться, что ничего не втолкуешь этим непутевым здоровым бугаям, которые без конца играют с жизнью в русскую рулетку и – хоть бы что, живут. А ее Николай никого никогда пальцем не тронул и все же…

– Ну, извини, Полин, я все понял, – пятясь спиной к двери, пробормотал Павел. – Я это так. Думал – столько лет уж прошло… Ну что ж, я понимаю… Спасибо тебе. Ты, если чё нужно, не стесняйся, мы за тебя горой, ты помни…

– Я сказала уже, что мне нужно.

– Ну, я понял. Придешь на перевязку-то?

– Приду.

Полина с облегчением закрыла дверь за ночными гостями и вернулась в тепло комнаты. Прошла мимо спящего Тимохи, едва не задев. Не привыкнет никак, что сын вымахал такой длиннющий, что ноги его на диване теперь не умещаются. Приходится обходить.

В спальне открыла шкаф, постояла. Достала первую попавшуюся вещь Николая – теплую байковую рубашку. Из тех, что он носил дома зимой. Сразу представился он в этой рубахе… Почему-то Николай возник из памяти босым, распаренным после бани. Ворот и рукава рубахи расстегнуты. В руках большая синяя чашка с чаем. А на столе тарелка с пирожками. Николай любил сладкие пирожки. Как ребенок.

Воспоминание потекло горячим в груди. На секунду прижала рубаху к щеке. Пахнет? Пять лет прошло, а она готова поклясться – запах сохранился. Перебирает его вещи и чувствует запах.

Да знает она не хуже других: на сороковой день принято раздавать вещи покойного. На помин. А она не смогла. Нарушила обычай. Сохранила все Колины вещи, спрятала в шкафу. Только теперь, когда Тимоха подрос, стала понемногу выдавать ему отцовы рубахи. А в душе при этом всякий раз что-то такое царапается.

Вспомнила: нужно вернуться, замыть в сенях кровь. Проходя мимо сына, снова едва не задела его ноги. Остановилась, поправила одеяло. Залюбовалась. Худой Тимоха и длинный – в отца. Всего четырнадцать парню, а уже деда перерос. Трудно одной сына поднимать, но ничего, она справляется. Все у него есть, не хуже, чем у других, – и одежда, и музыка, и мотоцикл. Вырос парень не шалопаем каким-нибудь, во всем матери готов помочь. А если и его вот так какой-нибудь Игорь или Павел в бестолковой драке – ножом?

Полина даже рукой взмахнула на себя. Мысль эта так ее напугала, что она торопливо отошла от сына, нырнула в кухню, чтобы даже мысли дурной возле парня не осталось. Вымыла кухню, сени. Теперь, понятное дело, не уснуть – разгулялась. Оделась, вышла во двор. Светло от луны и снега, и дорожку бурую, что с Игоря накапала, видно здорово. Взяла снеговую лопату, набросала снега, притоптала.

Ночь стоит тихая, ясная, морозная. В конце улицы, у Кузминых, лениво брешет псина, но ни одна соседская не вступает в прения. Благодать в природе такая, что не умещается в голове: как можно с ножом один на другого? Из-за чего? Да скорее всего к слову прицепились, и пошло-поехало.

Жизнью люди не дорожат. Здоровые, молодые, сильные. И ведь заживет на Игоре, она уверена, максимум за неделю. И ничего не будет. Так почему такая несправедливость? Почему Коля-то в тридцать пять?..

Мысли завели ее туда, куда она совершенно не собиралась. Звезды в вышине завибрировали мелко и стали расплываться. От слез. Не могла она вспоминать о нем просто так – без слез.

А ведь когда случилось – плакать не могла. Только сидела, раскачиваясь, на табуретке, напрасно пытаясь унять внутреннюю боль. А соседки все хотели остановить ее, не дать качаться. Глупые, они не понимали, что так ей словно бы легче… Два года она была – сплошной комок боли. Два долгих года. Потом стало вроде как отпускать ненадолго, хоть временами. А потом она научилась жить с этой болью, приспособилась к ней, как люди приспосабливаются к костылям или же к инвалидной коляске. Из своей прожитой жизни она научилась извлекать только светлые, теплые, как молоко, воспоминания. Иногда ей казалось, что жизнь идет, а воспоминаний не прибавляется. Они остановились, когда не стало Коли. И сама она словно замерзла в то лето. Колина смерть ее заморозила.

Полина смела снег с валенок, вернулась в дом.

Ирма открыла глаза. За окном было еще темно, но в щель под дверью сочился свет из коридора. Она привычно прислушалась. Дом был наполнен обычными утренними звуками: где-то журчала вода, внизу звенела посуда, кто-то ходил по коридору и лестнице. Ее интересовало одно: ушел ли Павел?

Словно в ответ на ее мысленный вопрос дверь открылась, и в проеме вырос муж – побритый, с мокрыми каплями на майке. Ирма не успела притвориться спящей. Павел потянулся, хрустнули суставы. Ирма заметила свежую ссадину на скуле. И правая рука! Костяшки пальцев были разбиты.

– Чего разлеживаешься? – бросил муж вместо утреннего приветствия. – Все уже встали.

– Доброе утро, – отозвалась Ирма, намеренно не поддаваясь на провокации мужа.

– Для кого и доброе, – буркнул Павел и щедро полил себя лосьоном после бритья. Тут же брови его полезли вверх, глаза распахнулись. Он забыл про свежую ссадину. – О-о! – завопил он. – Подуй скорее! – И подставил щеку.

Ирма послушно подула. Теперь уже нельзя было не спросить, и она спросила:

– Откуда это у тебя? Подрался?

– Пришлось… поучить кое-кого. Кстати, постирай вот это.

И он кинул ей скомканную рубашку в бурых подсохших пятнах.

– Чья это? – опешила Ирма.

– Чья-чья, – передразнил муж. – Игоря. И чтобы мать не видела! Завтрак ему сама отнесешь. Матери скажешь, что грипп у него.

Ирма пожала плечами. Она знала – расспрашивать бесполезно. Муж никогда не рассказывал ей о своих делах.

– Можно подумать, мать слепая, не догадается.

– Догадается – ее право. А ты делай, что тебе велят, и поменьше рассуждай!

Ирма встала, стянула со спинки стула пеньюар перламутрового цвета. Обошла кровать, взяла расческу и с тоской подумала о том, что нужно начинать день. Спускаться вниз, включаться в дела мужниной родни, разговаривать с его матерью, сестрами. Нужно делать вид, что ты всем довольна, что все хорошо, что тебе все это интересно.

– Хороша! Ну просто модель! – прищелкнул языком Павел, и Ирма заметила, что он наблюдает за ней. Что уж он имеет в виду? Хвалит ее красоту или издевается?

– Тебе не нравится мой пеньюар? Я не сама его выбирала, ты же знаешь. Мама из Германии прислала.

– Я помню, что это подарок из Германии. А почему мне должно не нравиться? Нравится. Главное, чтобы никому, кроме меня, больше не понравилось. Поняла?

Павел приблизил к ней лицо, она отчетливо увидела знакомое выражение его водянистых глаз. В затылке похолодело. Но она постаралась не выдать свое состояние. Ответила как ни в чем не бывало:

– По-твоему, я в этом пеньюаре по улице пойду?

– Только попробуй…

Губы Павла вытянулись в узкую полоску, его улыбка заставила ее отвернуться.

Ирма убрала окровавленную рубашку деверя с постели. Случайно натолкнулась взглядом на отражение Павла в зеркале. Он, словно хищник, все так же наблюдал за ней. Она не знала, что говорить, куда себя деть. Ей только безумно хотелось, чтобы он поскорее ушел.

Она вошла в ванную и включила воду. Умылась, слушая, как по лестнице спускается муж. Посмотрела на себя в зеркало. А она ведь избегает смотреться в зеркало! Давно ли? Это открытие напугало ее. Она постаралась переключиться на мысли о дочке, но думалось другое. Когда же это произошло? Ведь там, в прошлой своей жизни, Ирма подолгу могла смотреть в зеркало, искать в нем приметы красоты, в которой ее исподволь убеждали окружающие. Лет до пятнадцати она ощущала себя нескладухой, состоящей сплошь из острых углов. Отец звал ее колоском – то ли за цвет волос, то ли за неимоверную худобу. А потом что-то в ней изменилось, причем довольно быстро, за одно лето. Мать говорила, что Ирма расцвела. Соседки, стремясь угодить матери, называли Ирму красавицей. Мальчишки при ней стали вести себя не так, как обычно. Вечерами на лавочке каждый старался сесть поближе, угостить чем-нибудь. В то время она и полюбила смотреть в зеркало. Она искала в нем приметы той самой красоты, о которой твердили окружающие. И – находила. На узком ее лице, не тронутом веснушками, ровно вырисовывался тонкий нос – без горбинки, без курносинки. Глубоко посаженные глаза красиво гнездились под ровными дугами бровей – как у певицы Валерии. Вся былая угловатость и худоба вдруг обернулись хрупкостью и нежной грациозностью. Ей стали поручать роль ведущей на школьных вечерах, а в 11-м классе даже довелось поучаствовать в конкурсе «Мисс Губерния», где она стала третьей среди красавиц. Дядька из жюри потом объяснил ей, что она не стала первой только потому, что у нее не славянский тип красоты.

Конечно, не славянский. Они же немцы. Поволжские немцы, которые с незапамятных времен жили в России. После перестройки многие из них дружно потянулись на историческую родину…

Умывшись, Ирма вернулась в спальню. Павла там уже не было. Она сняла пеньюар и убрала в шкаф. Мать и сестры выбрали такой красивый, чтобы ее

порадовать. Они всегда присылали ей очень красивые вещи, полагая, что она будет их носить. Они ничего не знали о ее жизни.

Ирма натянула спортивные брюки и футболку. Спустилась вниз, на кухню. Газовая плита уже была заставлена кастрюлями и сковородками. Свекровь стояла на боевом посту – раскатывала тесто.

– Доброе утро, – бросила Ирма, наливая чай из огромного эмалированного чайника.

– Как же! Доброе! – скривилась свекровь, ловко орудуя скалкой. – Всю ночь печенка мучила. Мочи нет как болела…

– Давайте я раскатаю… – Ирма жалобы свекрови поняла по-своему. Но та и бровью не повела на предложение помощи. Работа на кухне не доверялась никому. Тем более – Ирме.

Свекровь раскатывала тесто с самым серьезным выражением лица.

– Игорь, кажется, загрипповал. Надо бы ему завтрак собрать, – доложила Ирма, с интересом ожидая, сработает ли план Павла. Ведь свекровь могла пойти проведать сына, принести лекарство, заставить его измерить температуру.

Но Павел хорошо знал свою мать.

– Я соберу, а ты отнеси. А потом и в аптеку сходи, купи «Антигриппину».

План Павла срабатывал. Мать не войдет в комнату Игоря. Не станет она рисковать подцепить опасный вирус, когда дома полно менее важных домочадцев.

Ирма пила чай и наблюдала за свекровью. Та набросала на тарелку пирожков, крупно нарезала колбасы, сыра. Налила большую кружку чая и поставила все это на поднос. Оглядев результат своих усилий, она отвернулась и забыла о нем. Свекровь знала, что указание будет исполнено в точности, и не собиралась на больного сына тратить ни грамма своей души. Да и была ли у свекрови душа? Ирма в этом сильно сомневалась. За пять лет, проведенных в этом доме, она так

и не привыкла к отношениям, царящим здесь. К порядкам приспособилась, а к отношениям – нет. Семья Гуськовых держалась единым клубком. Женились, приводили жен и мужей в дом. Никто не отделялся, никто не уезжал в город. Сначала, когда свекор был жив, он стоял во главе клана – распределял средства, руководил делами. Когда свекор умер, его место занял Павел. Он вел бизнес семьи, хотя Ирма не могла сказать, в чем именно заключался этот бизнес. Однако деньги в семье всегда водились, и, что бы ни случалось, жизненные передряги касались или всех, или никого. Например, когда у сестры Павла, Людмилы, умер муж, оставив двоих сирот, ни на детях, ни на самой Людмиле потеря кормильца не отразилась. Оба ребенка учились теперь в платных колледжах, и платил за них Павел из общего бюджета. Несмотря на такую сплоченность, в семье не было тепла. И далеко не дружбой определялись ее устои. Попав сюда и усвоив новый для себя порядок, Ирма поняла: центром дома является кухня, где верховодит свекровь.

Макаровна готовила еду с неизменно мрачным, неприступным выражением лица, и поначалу это выражение Ирма принимала на собственный счет, терялась и кидалась на помощь. Потом поняла – так поступать не следует, свекровь не терпит вмешательства в свои дела. Она всегда единолично решала, что готовить и как. На плите обычно стояли большие кастрюли с едой, на столе – блюдо с пирожками, в углу разделочного стола обязательно присутствовал огромный термос с горячим чаем. В течение дня здесь постоянно кто-то обедал, пил чай. Причем часто никого из них Ирма не знала.

«Это люди Павла», – объясняла свекровь с важностью и, как капитан корабля у штурвала, стояла у плиты с половником наперевес.

Пока Ирма пила чай, через коридор две ее золовки, уже полностью одетые, протащили несколько огромных клетчатых сумок. Во дворе их ждала машина, чтобы отвезти в райцентр, на рынок. За рулем сидел муж Лидии, Иван. Ирма видела, как он вышел из машины и стал неторопливо прохаживаться возле нее, сбивая ногой наледь с колес. Золовки перетаскивали свои сумки с такими же хмурыми лицами, с каким свекровь готовила борщ. Иван прекрасно знал, чем сейчас занята его жена, но не торопился на помощь. У каждого в этой семье своя роль. И все же Ирма вскочила и подбежала к Лидии:

– Давай помогу.

– Ногти поломаешь, – с лестницы бросила Людмила, старшая. Она была острее на язык, чем ее сестра.

Лидия молча протащила мимо Ирмы две громадные сумки, пихнула ногой дверь. Ирма не смогла отделаться от всегдашнего ощущения, будто в чем-то виновата перед золовками. Будто она сама не захотела стоять на рынке, будто у нее действительно была свобода выбора.

– В гостиной пропылесось. Грязью скоро подавимся, – упрекнула напоследок Людмила и захлопнула за собой дверь.

Ирма осталась стоять в тесном коридоре, слушая, как Иван истошно орет на жену – неправильно открыла багажник. «Ну корова! – разорялся он. – Как есть корова!»

Подобный тон общения был принят в семье, и пора было уже привыкнуть, но Ирма так и не смогла. Каждый раз ее больно царапали замечания золовок, взгляды свекрови. Она не стала своей в этом доме.

Взяла поднос с завтраком и отправилась наверх. Игорь спал, но при ее появлении открыл глаза и расплылся в неискренней, деланной улыбке.

– Кофе в постель? – спросил он так, словно ждал, что Ирма подхватит его игру и станет кокетничать. Хотя прекрасно знал, что ожидать такого не приходится – нет у нее этого в привычках.

– Павел сказал матери, что у тебя грипп.

Ирма поставила поднос на тумбочку. Игорь закрыл глаза и застонал. И губу прикусил.

– Что такое? – Ирма остановилась возле кровати.

– Больно. Посмотри, что у меня там… – совершенно сникшим голосом попросил он.

Ирма в нерешительности потопталась возле кровати, приблизилась. Откинула край одеяла. У Игоря была перевязана нижняя часть ребер. Бинт был чист.

– Вот здесь… – Игорь повел глазами на правый бок.

Ирма протянула руку, потрогала бинт.

Игорь тут же схватил ее ладонь и как ни в чем не бывало загоготал на всю комнату. Ирма попыталась выдернуть пальцы, но Игорь держал крепко. Он прижал ее руку к своей груди и притворно простонал:

– Посиди со мной, сестра… – И снова загоготал. Дернул сильнее, так, что она едва не упала.

Стукнувшись о табуретку, она села на край кровати.

– Пусти сейчас же!

– Тебе Павел велел за мной ухаживать? Вот и давай ухаживай!

Он еще плотнее прижал ее пальцы к своей груди. И нахальные глаза его наблюдали: что она станет делать?

– Игорь, я Павлу скажу!

– Да? А что ты скажешь? Что скажешь-то? Что тебе сделали? Подумаешь, за руку дернул!

Он отбросил ее пальцы и потянулся за пирожком.

Ирма встала.

– А вот если я скажу Павлу, что видел, как ты позавчера у магазина с Володькой Никитиным лясы точила, это ему интересно станет. А?

Он откусил полпирожка и, орудуя челюстями, со своей кривой усмешечкой взглянул на нее.

Ирма остановилась и в полном недоумении уставилась на Игоря.

– Чего смотришь? Павел не зря говорит, что за тобой глаз да глаз нужен. Одну в магазин отпустить нельзя. Вот бабы…

– Я только поздоровалась с ним! – вспомнила Ирма. – Он же мой одноклассник как-никак. Или, по-твоему, я должна была мимо пройти? Пять лет не виделись…

– Вот уж не знаю, поздоровалась или еще чего… Только в школе-то он бегал за тобой, я помню.

– Что ты несешь? – возмутилась Ирма – Хватит придумывать!

– Бегал, бегал, – самодовольно утверждал Игорь. – За тобой многие бегали, только мы с Павлом умели их отваживать… – Он хохотнул.

Ирму передернуло.

– Я жена твоего брата, – напомнила она и шагнула к двери.

– Буду жениться, ни за что красавицу не возьму, – бросил он ей в спину, и она остро почувствовала его нехорошую улыбку, кривую и нахальную.

Боже! Когда это кончится?!

Ирма вернулась к себе. Дочка сидела в своей кроватке и сонно терла глаза.

– Гули мои проснулись… – заворковала Ирма и вытащила ребенка из теплого гнезда. – А где наши глазки? Проснулись наши глазки?

Она с нежностью расцеловала дочку и прижала к себе. Вот ее отрада, вот ее пристанище, маяк в этой жизни. До мамы так далеко, что подумать страшно, а дочка – вот она, рядом. И всегда будет рядом. И никто ее не отнимет. Ирма с

воодушевлением принялась заниматься утренним туалетом дочери – умывала, причесывала, одевала, не переставая с ней разговаривать. А сама не могла отделаться от гадливого чувства, которое настигло ее в комнате Игоря. Брат Павла очень хорошо знает, куда ударить. Он в курсе, что Павел ревнив до крайности, и, если Игорь захочет, создаст ей новые проблемы. А она и без того задыхается. Павел шагу ступить не позволяет, чтобы не унизить своими подозрениями: «Куда ходила? Для кого накрасилась? Зачем вырядилась?»

Его подозрения душили ее, обижали до слез, обескураживали. Она не знала, к чему он прицепится в следующий раз. Всего боялась, даже к подругам перестала ходить. Павел подозревал, что те устраивают для Ирмы любовные свидания.

Разве она не смогла бы вместе с сестрами Павла заниматься торговлей? Разве она сама пожелала сидеть дома в качестве домработницы? Так Павел решил. А золовки злятся. Думают, ей нравится сидеть в четырех стенах безвылазно, убирать за всеми, почти не общаться с людьми.

Посреди своих рассуждений она вспомнила: аптека! Свекровь велела ей сходить в аптеку. Значит, можно будет прогуляться по селу. День такой замечательный! Для Ирмы словно форточку открыли. Она отнесла Катюшку на кухню, усадила на высокий стульчик у стола.

– Бабуля тебя покормит, а мама сбегает в аптеку. За лекарствами для дяди Игоря.

– Как он? Температура высокая? – ловко кромсая лук, поинтересовалась свекровь.

– Температуры нет, – сказала Ирма в общем-то правду. Она терпеть не могла вранья.

Глава 2

– Мам, тетя Люба приехала! – сообщил Тимоха непривычным слуху баском.

Полина выглянула в окно. Синий хлебный фургон сестры стоял у ворот, а сама Любава разговаривала с водителем. Внутри приятно екнуло. Они виделись нечасто, а уж занятая бизнесом Любава совсем стала редкой гостьей у сестры.

– Сынок, достань компот из погреба.

Вытащила из духовки кастрюлю с борщом, нарезала хлеб.

– Как живы-здоровы?

Свое приветствие сестра проговорила не так звонко и бодро, как обычно, – Полина это сразу уловила. Расцеловались, обменялись привычными замечаниями. Тимоха принес из погреба банку с абрикосами, смущенно выслушал комплименты тетки по поводу его роста. Сели обедать. Ну по всему замечала Полина – не та сегодня сестра. Ну не та. И улыбка какая-то вымученная, и привычные слова звучат по-другому. Дождалась, когда Тимоха уйдет к себе, спросила напрямик:

– Что стряслось-то?

Сестра как-то сразу перестала изображать бодрость, выпустила складку на лоб и ложку отложила, перестала терзать.

– Ушел Семен-то у меня. Совсем ушел.

– Не может быть! – ахнула Полина, хотя хорошо знала: в этой жизни быть может все, что угодно. Так уж привыкла она видеть всю подноготную людей, все их слабости, что мало чему удивлялась. Но сестра ждала от нее удивления, Полина это чувствовала. Ей не надо было объяснять, что чувствует Любава в свои сорок восемь, оставшись одна. Все чувства сестры без труда перетекли в нее. Глазам стало горячо.

– К Наташке, что ли, Сизовой?

– К ней. Собрал вчера все вещи свои, покидал в «Жигули» и уехал.

Полина вовремя успела отодвинуть тарелку с недоеденным борщом – сестра уронила голову на руки и заплакала навзрыд.

– Ты чё, теть Люб? – Тимоха вырос на пороге.

– Потом, Тим, потом… – Полина выпроводила сына, дверь на кухню прикрыла. – Он еще вернется, Люб! – горячо воскликнула, на что сестра только отрицательно качнула головой. – Вот увидишь!

От Полины ждали помощи, каких-то особенных слов, способных облегчить душу. И Полина поняла, что сейчас начнет произносить банальности, поскольку говорить то, что она на самом деле думает, нельзя. А думала она как врач, что у Семена климакс начинается и он заметался, забесился, ухватился за молодую, питается ее молодостью. Только все это иллюзии. Полине жалко было Семена больше, чем Любаву. Она знала Наташку. Она видела, куда он вляпался. Любава сильная, она выстоит. А вот Семен сломается, потому что Любава у них прощать не умеет. Жесткая она. А в том, что Семен вернется, Полина не сомневалась. Только вот будет ли куда вернуться?

– Люба! Ты у нас такая… Красивая! Стройная! Активная! Ты у нас…

Полина решительно искала слова и старалась говорить с таким же напором, с каким умела говорить сама Любава. Но в этот раз слова плохо находились и напора не получалось. Полина вообще была другая. Люба у них в маму, покойницу, а они с младшей сестрой Светой – в папу. Без напора. Так себе, тихие. Плывут по течению.

– Он скоро пожалеет! Да эту Сизову, ее все знают, какая она! Она с кем только не спала! Да она всего-то и умеет, что чужие деньги считать! Кто ее только в магазин поставил?

– Я. Я же и поставила, – призналась Любава. Полина поняла, что не то сморозила. Сестра шмыгнула носом и продолжила: – Пришла ко мне, стала плакаться: мол, муж бросил, не помогает, ребенка не на что кормить-одевать. Я и взяла. А Семен продукты в магазин привозил, каждый день сама его к ней отправляла! – Любава жалкими глазами смотрела на сестру. – Сама, своими руками свела, получается…

– Ничего не свела, глупостей не говори. Мало, что ли, случаев? А как же теперь бизнес?

Полина хотела перевести мысли сестры в другое русло. Сестре нужно занять себя делом, а не поддаваться эмоциям.

Любава уставилась на нее, словно мысль о бизнесе еще не успела прийти ей в голову. Минуты две они молча смотрели друг на друга. Потом Люба совсем уж беспомощно ответила:

– Не знаю…

Полина, как никто другой, понимала, что поступок Семена – удар ниже пояса. Наверняка он сам до конца не осознал, что делает. Мало – остаться женщине стареть одной, с букетом болячек, на пороге климакса… А если вы были не только муж и жена, но и партнеры? Везли вместе воз в одной упряжке? Собирали свое дело по крупицам, как муравьи? Да еще здесь, в сельской местности, где само слово «бизнес» режет слух, потому что нет его, бизнеса, тут и быть не может! Оно звучит здесь как насмешка над ватниками, валенками и санями, которые вновь пришли на смену «Жигулям».

И все же Любовь с Семеном сумели-таки встать на ноги, не уехали в город, как другие, а обосновались в райцентре и придумали пекарню. И свои точки открыли по селам, и даже магазин. А теперь?

– Мы не говорили об этом…

– Ты должна подготовиться, – закончила за нее Полина. – Семен может полно глупостей наделать, он как слепой сейчас. А ты не можешь делать глупости. Тебе Танюшку поднимать надо.

Любава кивала на разумные доводы сестры.

Разговор был прерван телефонным звонком. Полина сначала молча слушала, а потом нахмурилась:

– Я приду, Павел, как и обещала. Только уж и ты свое обещание не забудь. – Она выслушала то, что ответили в трубку, и добавила: – Я сама поговорю с Ирмой, договорились?

– Все ходишь на вызовы, как и раньше? – догадалась Любава.

– Хожу. Куда же деваться?

– Деньги хоть берешь за это или совсем бесплатно?

В голосе Любавы слышалась ирония. Слишком хорошо сестры знали друг друга.

– Какие деньги, сестра, о чем ты говоришь? Ты посмотри, до чего село дошло! Раньше в каждом втором дворе машина, а теперь? Работать негде, коровы на ферме некормленые, смотреть страшно. Нищета кругом, полный развал. А ты – деньги…

– Но тебе-то жить как-то надо? Или ты такая богатая? Ты что, обязана бесплатно работать? Нет, не понимаю я тебя, Полина. Так тоже нельзя! Не верю я, что у людей денег нет. Зайди в любой дом, у всех полон сарай скотины! Молоко продают, масло, сметану. На самогон все находят! А на твоей доброте ездят, знают, что ты клятву Гиппократа не нарушишь…

Любава распалялась, и Полина была рада, что удалось сбить ее пассивный настрой. Пусть лучше сестра нападает на нее, продолжает их старый, вечный спор. Пусть только не погружается в унылое бездейственное состояние, которое способно сломить кого угодно.

– Что же мне делать прикажешь? Отказать матери, если у нее ребенок с температурой? Сказать: езжай, мол, в районную поликлинику, высиди там очередь, с больным-то, и потом…

– Ну ладно, матери с ребенком ты отказать не можешь, потому что сама мать. Я это понимаю. Но мужикам здоровым? Бабкам, которым болезни мерещатся? Ты ведь, Полина, никому не отказываешь, я тебя знаю.

– Ну как же я откажу им, если я среди них выросла?

– Ну так деньги бери за свои услуги! Сейчас любой труд должен оплачиваться, это ведь так просто! Тебе Тимоху учить, знаешь, сколько сейчас образование стоит?

– Знаю. Но деньги со своих брать не могу. Стыдно.

– А почему мне не стыдно?! Мне, выходит, тоже нужно бесплатно весь район хлебом кормить?

– Это другое.

– Ну как – другое? Я деньги делаю, живу лучше других, и мне не стыдно. Дочку вот в Москве учу, а чего стыдиться? Жизнь такая. А ты у нас словно из другого мира. И ведь Светку под себя воспитала! Ну что за профессия – художница?

Любава ожила, ругая сестру. Полина соглашалась. В чем-то она, конечно, права. Младшей сестре, Светке, Полина как-то незаметно, нечаянно, привила свое мировоззрение. Та теперь мыкалась в городе без постоянной работы, без мужа.

– Кто на этот раз? – допытывалась Любава, кивая на телефон.

– Гуськовы. Игорь подрался, ножевое.

– Вот бандиты! Своих мало, эти беженцы понаехали. Устроились лучше местных, да еще воду мутят.

– Какие они беженцы? Уж лет восемь как в Завидове живут. Свои уже.

– Ничего себе свои! Оградили свой «термитник» двухметровым забором. Овчарок насажали в каждом углу. Свои…

После разговора с сестрой, подходя к дому Гуськовых, Полина вспомнила ее слова. Надо же, как точно та обозвала дом Гуськовых – «термитник»! Эта семья приехала к ним в Завидово из Казахстана. Держались они скопом, общались с соседями мало. Никто из детей не отделялся. Обжив небольшой крепкий дом, стали пристраиваться – кто влево, кто вправо. А вот Павел догадался – влез наверх, выстроил второй этаж. Теперь, говорят, когда семья собирается к ужину,

все выползают из своих клеток, а Павел спускается сверху, как король.

Полина толкнула калитку, прошла по расчищенной дорожке. Где-то в глубине двора, за домами, взорвалась лаем собака.

На кухне у плиты колдовала Макаровна, и Полина, поздоровавшись, спросила Ирму.

– Наверху она. С утра вроде здоровая была, – с подозрением прищурившись, изрекла Макаровна и не слишком дружелюбно уставилась на гостью.

– Павел звонил, просил посмотреть, что-то спина у нее разболелась. Хондроз, наверное.

– Баловство одно, – неодобрительно отозвалась хозяйка. – Какая спина в ее-то годы? Притворство это. Сидит дома, делать ничё не заставляем. Спина…

Полина, не обращая внимания на ворчание старухи, сняла пальто и стала подниматься по лестнице.

– Ты тогда уж и меня посмотри потом, – бросила та ей вслед. – Давление смерь…

– Ладно.

Наверху все делали быстро, как проинструктировал ее по телефону Павел, – в любой момент могла войти Макаровна. Впрочем, перестраховались – Макаровна старательно обходила комнату «гриппозного» сына. Рана Игоря заживала хорошо, без осложнений.

– Скоро бегать начнешь, – пообещала Полина, на что Игорь самодовольно отозвался:

– Пора уже. Девки заждались.

При этом он смотрел на Ирму. Полина увела ее в коридор.

– Мы можем поговорить?

– Да, конечно. – Ирма испуганно взглянула на Полину. – Идемте к нам в комнату.

Полина все понимала – да, нельзя девушке с замужеством не измениться. Все меняются. Одни расползаются, как квашня, другие становятся клушками. Третьи, бывает, перестают внимание на себя обращать. Мол, вышла замуж, завлекать теперь некого. Но вот этот испуганный взгляд… Он не понравился Полине. И она, на правах давней знакомой, спросила:

– Как живешь, Ирма?

Та вновь так же странно взглянула на Полину, словно ждала подвоха.

– Нормально живу. А что?

– Ничего. Я не видела тебя давно. В клуб ты перестала ходить…

– Некогда, Полина Петровна. Ребенок маленький, сами знаете…

– Мама часто пишет? Как они там?

– У них все хорошо. Папа работает, брат тоже. Сестры учатся.

– Не скучают по России?

– Как не скучать? Скучают… Мама говорит, дом наш снится часто. И мне тоже снится.

– Ну а в гости?.. Они к тебе в гости не собираются?

И снова этот взгляд. Полина вроде бы ничего особенного не говорила, но сразу поняла: что-то не так.

Ирма неопределенно пожала плечами, так и не найдя что ответить.

– Дом у вас большой, места всем хватит. Ты пригласи. А то, я смотрю, ты сама-то заскучала.

– А что, заметно? – спросила Ирма.

– Конечно, заметно. Вид у тебя какой-то потерянный, Ирма. Глазки не горят.

– Устаю, наверное. Бывает, и не высыпаюсь с Катюшкой.

– Ничего, подрастет твоя Катюшка очень быстро, не успеешь оглянуться. Соберетесь и поедете к бабушке в Германию сами. В гости.

Ирма никак не отреагировала на прогнозы гостьи. Она опустила голову и довольно сухо спросила:

– У вас ко мне дело, Полина Петровна? А то мне нужно свекрови помочь.

– Дело, – согласилась Полина, с большим интересом и беспокойством наблюдая за Ирмой. – Но теперь уж и не знаю, захочешь ли ты мне помочь…

– Почему же вы сомневаетесь? Я что – так изменилась?

– Изменилась, – подтвердила Полина. – Только в чем эти изменения, я пока не поняла. Не хочу тебе в душу лезть, только один вопрос задам: ты больше не хочешь в нашем театре играть?

– Ах это… Почему же не хочу? Хочу. Только некогда мне. У меня теперь ребенок, забот полно…

Неубедительно говорила Ирма, и Полина возразила:

– У нас почти все с детьми.

– Я, наверное, не такая расторопная, как другие. Ничего не успеваю, – уклончиво ответила Ирма.

– А мы новую пьесу читали по ролям. «Грозу» Островского. Скоро фестиваль…

Ирма посмотрела на Полину странными глазами. Будто та соль ей на рану сыпала.

– Значит, не придешь?

Ирма отвернулась и покачала головой.

– А вот твой муж уверял меня, что ты придешь, не откажешь мне.

Ирма вскинула на Полину глаза, полные удивления.

– Павел?!

– Ну, если у тебя другой муж есть…

Нет, все-таки глаза – зеркало души. Правильно классик сказал. Все в глазах Ирмы, что до того усердно пряталось, вылезло наружу. Особенно эта нежданная, нечаянная радость. Она словно хотела и не могла поверить в то, что сказала Полина.

– Полиночка Петровна, ой! Правда? А какая у меня роль? А в библиотеке есть еще Островский?

Вот теперь Полина видела настоящую Ирму. Ту, которую знала много лет. Ту, которая Снегурочкой была у них в клубе на Новый год много лет подряд, пока не забеременела.

– Я тебе пьесу принесла, – обрадовала ее Полина. – Почитай роль Катерины.

– Катерины! Вы не шутите? – Ирма выхватила пьесу, словно тотчас же собиралась засесть за нее.

– В среду репетиция, в семь. Не опаздывай.

– Ага…

Полина покидала «термитник» Гуськовых, мягко говоря, озадаченная. Но долго думать о Гуськовых не пришлось – нужно было зайти еще к двум больным, а потом навестить отца. Тот ждал дочку каждый день и, если она не успевала зайти или что-то ей мешало, приходил сам. Так было заведено.

Полкан заюлил, запрыгал на цепи, увидев хозяйку. Полина потрепала пса по загривку. Заметила – у отца на крыльце свежая ступенька. Так и ищет, что бы обновить. Кругом у отца порядок, чистота. Лучше, чем при матери. А той уж три года как нет. До того как умереть, мать несколько лет парализованная лежала, а ухаживал за ней отец. Один. Дочери только помогали по возможности. Он говорил им: «Это мой крест. Она со мной намучилась, моя теперь очередь…»

И то слово – намучилась. Что правда, то правда. Сколько лет он пил беспробудно? В своем детстве Полина и не помнит трезвого отца. Но сумел завязать с этим делом. Как ему это удалось, для Полины так и осталось секретом.

Полина нашла отца в мастерской, устроенной в сарае. Он орудовал рубанком. У ног высилась гора сосновых стружек. Отец мастерил оконные рамы. В углу мастерской торчком стоял новый сосновый гроб.

– Нюра, соседка заказала, – кивнул он на свою работу. – Как дела?

– Все в порядке. Пап, ты бы прикрыл его чем-нибудь, – Полина показала глазами на отцову домовину.

– А чего стесняться? Все там будем.

Полина вышла из мастерской. С тех пор как похоронила Николая, не выносила запаха свежей сосны.

Направилась в дом, отец вышел из сарая следом за ней.

– Любава приезжала, – моя руки под рукомойником, бросил отец. – Что ж не зашла?

– Что ты обедал, пап?

– Щи вчерашние оставались. Винегрет настругал. Будешь?

– Спасибо, пап, не хочу.

– Так что у Любавы? Не все в порядке, что ль? Чего молчишь-то? Или с Танюшкой не так?

– С Танюшкой все в порядке.

– Да говори уж, что там. Все равно ведь узнаю. Не свои, так чужие скажут. Ну?

– Семен у нее загулял. Ушел к Сизовой, их продавщице.

– Эх! – Отец крякнул, взмахнул рукой, с горечью головой покачал. Он ничего не скажет, но теперь будет думать о старшей дочери, переживать.

На кухне отец загремел посудой. Полина выложила на стол гостинцы – пачку чая, лимон, печенье.

– Как Любава? – после паузы спросил он.

– Держится. Любава у нас молодец, ты же знаешь.

– И пусть не киснет! Подумаешь… Павлин! Если что, пусть скажет, я помогу…

Отец хорохорился. Полина копошилась в кухне, искоса наблюдая за отцом. В мыслях он бы – весь мир дочкам. А что он может? Да и кто может?

– Пап, – остановила его Полина, ругая себя за то, что так, без подготовки, вывалила на него эту новость. – Ты, главное, живи, пап. Ты не болей… – И почувствовала, что дрожит голос.

– А чё мне сделается? У меня режим, – стал заверять отец. – Я утром работаю – то в мастерской, то за скотиной, то снег чищу. А как же! А после обеда отдыхаю

час. Это мне отдай! Потом – опять на воздухе. Ты за меня не переживай, дочка. Я еще побегаю…

Во дворе залаял Полкан, но не слишком уверенно, больше для порядка. Затопали чьи-то валенки на крыльце.

– Михалыч! Ты дома?

Соседка распахнула дверь, ввалилась в кухню – запыхавшаяся, как с пожара, валенки на босу ногу, голова без платка.

– Что стряслось, теть Нюр? – спросила Полина, хотя и так поняла: дядя Саня снова буянит.

– Михалыч! Ради Бога, пойдем к нам! Не знаю, что со своим делать.

– А что такое?

– Так ведь полон дом оленей у нас! Полон дом оленей, Михалыч!

– Оленей?

– Ну да! Неси, говорит, Нюра, ружье, оленей будем стрелять. У них, говорит, рога дорогие. И выгоняет их из избы-то, а они будто и не идут!

– Ты сядь, теть Нюр. – Полина подставила соседке табуретку. – Что он пил?

– Да я разве ж услежу? – горестно всплеснула руками соседка. – Может, самогон, а может, денатурку какую… Пойдем, Михалыч?

– Нет, Нюр. Я с оленями дела не имел никогда. С чертями – еще куда ни шло, а с оленями…

– Пап!

– Иду, иду…

Пришлось позвать еще двоих мужиков.

Дядя Саня в одних трусах скакал по избе и отмахивался от «оленей».

– Дайте ружье, мужики! – умолял он, пока его пытались связать.

Потом, когда все же удалось прикрутить его ремнями к койке, он не унимался и молил выгнать из избы оленей. Плакал и повторял:

– Михалыч! Возьми у моей бабы ружье, убей хоть одного! Рога-то какие! А остальных выгони! Не хочу я, чтобы они тут… Кыш! Пшли отседова!

Мужики ушли, а Петр Михайлович остался. Он сделал все, как просил сосед, – ружье ему Нюра вынесла, – и охоту они изображали вполне натурально. Полинин отец «отстреливал» оленей, а Нюра выгоняла их веником. Успокоенный Саня затих, уснул, и под утро его развязали. Справиться с Саниной белой горячкой мог только сосед Михалыч, поскольку сам неоднократно попадал в ее ледяные лапы. И, как думалось Полине, однажды, во время приступа «белой», в ее немыслимом бреду, отец увидел что-то такое, что сильно его напугало. И он завязал резко и бесповоротно.

Вернувшись домой, Полина стала собираться в клуб. Она отметила, что и этот день был похож на сотни других, ничего в нем не случилось особенного. Был он длинным и неспешным, как длинна и неспешна сама зима в Завидове. Но с чего это ее сегодня все время тянуло на воспоминания и отчего сердце весь день как-то беспокойно вздрагивало, словно в предчувствии? И вдруг зрение подбросило ей разгадку. В окно увидела она навес над крыльцом и длинный ряд появившихся за день сосулек. Это весна передавала ей привет. Полина, не имея никакой особой на то причины, все же обрадовалась обычной смене времен.

Глава 3

Люба стремительно шагала к своему дому. Она и руками делала отмашку, опустив голову, словно такая позиция могла прибавить ей скорости. Она думала лишь об одном: чтобы никто из знакомых не встретился на ее пути и ни о чем не

спросил. Разговаривать она не могла. Дойти бы до дома и успеть накапать в стакан валокордину. Сердце колотилось так, что ей казалось – сейчас оно не выдержит и она упадет, не дойдя до своего дома. Тогда люди в поселке станут говорить, что она умерла сразу после разговора с мужем и его любовницей.

Да уж… Повод посудачить она даст тогда превосходный. Люди справедливо обвинят Семена и Сизову, а ее, Любаву, станут жалеть… Но нет! Она не даст повода для жалости, не допустит, чтобы вездесущие соседи нашли ее лежащей лицом в снег. Достаточно того, что последний месяц ее отношения с мужем и без того стали темой для разговоров во всем райцентре.

Еще бы! В прошлом году отпраздновали серебряную свадьбу, три дня гуляли! А год спустя – разошлись. Есть о чем посудачить…

Любава толкнула калитку и вошла во двор, но поняла, что подняться в квартиру у нее не хватит сил. Ее одолела одышка. Это было непривычно и потому – испугало. Сердце вдруг ворохнулось посредине, за грудиной, как живое существо. Сжалось и распрямилось снова. Это длилось несколько секунд, но Любава успела перепугаться не на шутку. Никогда прежде не приходилось воспринимать сердце как что-то отдельное. Такое было впервые.

Она прислонилась к перилам крыльца и постояла, выравнивая дыхание. Нет, так нельзя. Ведь слышала не раз от сестры медицинские байки о том, как муж бросил жену, а та от горя начала пить, сошла с ума или высохла, как спичка. Полина не придумывала, она рассказывала только то, что случалось на самом деле. Любаве никогда не приходило в голову примерить ситуацию на себя. И пожалуйста, в один день дошла до такого состояния!

Но ведь они с Семеном были не просто парой. Они – команда. Они вместе карабкались из нищеты, вместе радовались каждой маленькой победе, каждому шагу на пути к успеху. Их мобилизовывали и сплачивали неудачи.

А как они радовались новой квартире в двухуровневом доме! Им удалось накопить денег и поменяться с доплатой. Теперь у них была огромная трехкомнатная квартира с просторной кухней-столовой на первом этаже, множеством кладовок, со своим двором, гаражом и баней. Живи и радуйся! Ведь пока дочку растили, приходилось ютиться в крошечной двушке холодного блочного дома, где на лестничной площадке вечно сохло чье-то белье, а по

утрам все соседи отправлялись в сараи кормить скотину, дружно гремя ведрами. Выясняли отношения тут же, прямо на лестничной клетке, по утрам и ночью, не стесняясь в выражениях. Танюшка всегда просыпалась от шума и плакала.

Люба отдышалась, вошла в дом, добрела до кухни, накапала валокордина.

Как можно все это забыть, предать, будто ничего и не было! Словно они с Семеном не выкарабкивались из этого блочного, не сидели на пшене с картошкой, когда в бизнес нужно было вкладывать деньги? Как будто кто память Семену стер… Да кто? Ясно кто! Сизова…

Да она, Люба, и не думала устраивать скандала сегодня. И говорить с Сизовой не собиралась. Пошла к ним, поскольку остался открытым вопрос о бизнесе. Семен увез свои вещи тайком, когда ее дома не было. Ничего толком не обсудили… А ведь дела бизнеса не могли ждать. Они требовали каждодневного внимания. И делали их всегда в паре. Поэтому сегодня утром Любовь Петровна скомкала свою гордость и отправилась к Семену.

Она вошла в магазин, где весь товар на полках был расставлен ею. Даже ценники были написаны ее рукой. За прилавком стояла Сизова. Увидела хозяйку и сделала свое лицо каменным. Это Любаву мало затронуло.

– Где Семен? – не сумев выдавить «здрасьте», поинтересовалась Любава. Но спросила это так, походя, поскольку знала, что он на складе – грузовик видела во дворе.

Она стремительно прошагала мимо прилавков, толкнула дверь на склад.

Семен фасовал рис. Увидев жену, раздосадованно дернул губой. Еще бы! Когда это он, хозяин, занимался фасовкой? Заменять водителя приходилось. Но стоять на фасовке? На это стоило посмотреть. Любава не отказала себе в удовольствии напустить на лицо подобие усмешки.

– Глазам не верю! – воскликнула она. – Семен Иваныч собственной персоной товар фасуют! Помочь?

– Справлюсь. Чё пришла? – Семен буркнул исподлобья, не прервав своего занятия. Хотя первым его движением было отбросить лоток, чтобы перед бывшей женой не позориться. Нет, не стал. Видать, крепко скрутила его Наталья. Стоит, фасует. На весы смотрит, на Любовь Петровну – не хочет.

– Ты фургон собираешься возвращать? Мне хлеб не на чем возить.

– Вози на «пятерке». Раньше же возили.

У Любавы сразу кровь к голове прилила: не его это слова! Знает он прекрасно, как это – развозить хлеб на «пятерке». Вместе фургон покупали, специально оборудовали его под хлебные лотки. Это Сизовой песня, ежу понятно.

– С ума, что ли, сошел от страсти-то? Сколько в нее уместится? У нас восемь точек плюс детдом, детсад и школа. А про санитарные нормы забыл?

Семен молчал. Люба видела, как ходуном ходят желваки на его скулах. Ну не может он не понимать, что она права! И он это понимает! Она ждала…

На склад заглянула Сизова. Смотрит – хозяева молчат. Скрылась.

– Фургон нужен для магазина, – наконец выдавил он. – Мы расширяться думаем.

– Ах, вы расширяться думаете! – подскочила Любава. – А меня со всем нашим хлебом без машины решили оставить? Не выйдет, милый! Забирай «Жигули» и расширяйся хоть вширь, хоть вверх! А меня пристрелить легче, чем без фургона оставить! И ты это знаешь!

– Я с одним магазином ушел! – напомнил Семен. – Тебе все хлебные ларьки оставил, а ты еще возникаешь! Я квартиру оставил, а тебе все мало!

– Да, мне мало! – согласилась Любава, внутренне трепеща от возмущения и гадливого чувства, названия которому не находила. – Мне нужно дочь поднимать, ей еще три года в Москве учиться! Быстро ты забыл об этом!

– Я не забыл! Это ты придумала ее в Москву отправить! Могла бы, как другие, в области выучиться, не хуже была бы!

Любава опешила. Она даже не сразу ответить смогла после такого заявления Семена. Его словно подменили!

– Ах вот как ты заговорил, Сеня, – осела Любава. Она понимала, с чьих слов поет ее муж, но не поразиться не могла. – Значит, ты как бы и ни при чем? А когда решали, где Танюшке учиться, ты не участвовал? Не гордился, что дочь твоя – медалистка? А? Без тебя решили?

– Да тебя разве переспоришь?! – уже орал Семен. Любе казалось, что он нарочно громко кричит, чтобы Сизова там, в магазине, слышала, что он не воркует с ней, с Любой, а «выясняет отношения». – Ты как упрешься рогом!

– Ну, рога-то ты, милый, постарался, нарастил… Но и тебе, Семен, рогов вряд ли миновать! – Она кивнула в сторону двери, за которой в магазине общалась с покупателями Сизова. Намекнула на ее бурное прошлое, о котором все в округе знали.

Семен дернул рукой, и рис, который он держал в лопатке, просыпался, зашуршал, запрыгал по бетонному полу.

– Тьфу! Под руку каркаешь! – взвился он и бросил лопатку в мешок с рисом. – Ты за фургоном пришла? Не будет тебе фургона, Любовь Петровна! Магазин и фургон я забираю. Остальное – твое!

Люба почувствовала внезапный приступ удушья. Слезы подступили к горлу, обида начала душить ее так активно, что стало очевидно: сейчас она начнет громить и крушить все на складе, как ее соседка Тося громила квартиру своей соперницы. Тося перебила у соперницы всю посуду и на веранде все окна. Вызывали милицию, составляли протокол. О том случае долго потом судачили в поселке. Это воспоминание кстати вспыхнуло в Любавином мозгу, как свет далекой, давно пролетевшей звезды. И остановило ее от погрома. Однако ноги несли во двор, руки требовали активного действия. Она громко хлопнула дверью склада и оказалась на улице. Подлетела к синему фургону, который был сейчас для Любавы живым существом, открыла дверцу и без труда завела его – он заворчал спокойно, знакомо. Только вот стоял фургон неудобно – носом к забору. Любава подала назад, фургон дернулся, отъехал. Теперь нужно было задом выехать в ворота – разворачиваться было негде. Любава сосредоточилась, не спуская глаз с бокового зеркала. Внимательно слушала машину. У нее

получалось! И когда уже фургон пятился назад, дверцу со стороны водителя рванули, в кабину впрыгнул разъяренный Семен…

Как она оказалась на снегу, как вышла со двора магазина, что кричала ей вслед красная как рак Наталья – Любава не помнила. Очнулась уже на подходе к дому. И теперь, обмякшая после валокордина, сидела в своей чистой, ухоженной кухне и тупо смотрела в окно. Там, на голой вишне, тусовалась стая воробьев. Птицы ужасно шумели – их щебет хорошо был слышен в кухне. Солнце щедро лилось сквозь окно на поверхность кухонного гарнитура. На подоконнике стояла плетенка с хлебом, и воробьи видели это. У нее было горе, а птицы напоминали ей о более важном. Они беспокоились, что за своим горем она забудет о них.

Любава заставила себя подняться, набрала крошек. Открыла форточку, покормила воробьев, как это всегда делала ее дочь Танюша. И как после отъезда дочки взяла себе за правило делать Любава.

Борис Добров вел машину на полном автомате. Голова раскалывалась. Временами казалось, что не хватает воздуха, что в атмосфере душно, как перед грозой, но шел конец февраля, никакой грозы быть не могло. Он догадывался, в чем дело. Приоткрыл окно, и в салон ворвался морозный поток. Добров был взбешен, и машина словно чувствовала это – тоже «нервничала». Добров ничего не мог с собой поделать. Беда не приходит одна – он это знал. Но предел человеческому терпению не безграничен. То, что «зависла» крупная партия товара и в конце концов, после длительных мытарств, он должен был смириться с потерей прибыли, – это еще полбеды. Это было только начало. Второй сюрприз преподнесла бывшая жена Галина, вдруг заявив, что не разрешает ему видеться с сыном! Именно сегодня утром, когда он, как обычно, приехал навестить сына, она захлопнула дверь перед его носом. Нет, он, конечно, заставил ее открыть. Он бы выбил эту дверь, не открой она. В конце концов, это его родной сын и он ждет встреч с отцом не меньше, чем отец с ним! Но Ростика в квартире не оказалось. Она нарочно спрятала сына, увезла к родне или к своим подругам, чтобы он, Борис, взбесился! Она добивалась этого – было видно по ее глазам, она упивалась его бешенством – покачивала ногой, сидя в кресле, включила телевизор, когда он с пеной у рта доказывал, что прятать от него сына – дохлый номер. Он не позволит! Он добьется своего любой ценой! Галина говорила какие-то ничего не значащие фразы. Она вообще мало говорила, была довольна, что вывела его из себя. Он подозревал, что все это она устроила, чтобы ей досталось его внимание. Ей, а не сыну. Тьфу, черт, как не хватает воздуха…

После общения с Галиной у него начинают трястись руки. Он никогда ее не понимал. Ну чего она теперь добивается? Чтобы он приполз на коленях, умоляя сойтись?

Они оба понимают, что не могут жить вместе. Пробовали уже. Никто не выдержит этот дурдом. Скорее всего она просто хочет сделать ему больнее, влезть под кожу. И надо отдать ей должное, это удалось. Больнее придумать нельзя. Теперь у него перед глазами так и стоит маленький тощий Ростик с огромными серыми глазами.

Эти глаза не отпускали Доброва всю дорогу. Досада, раздражение и обида подпирали грудь изнутри, и там, за грудиной, становилось горячо. И тяжело что-то ухало, ныло…

Последним штрихом в темной картине событий стало предательство. Он так и скажет Корякину, как только доберется до фирмы: «Я тебя пожалел, взял в свое дело, а ты меня предал». Или бизнес, или дружба – он это знал. И все же не смог отказать Димке, своему однокашнику, когда увидел собственными глазами, как тот живет. Димка ютился с двумя детьми и женой в комнате коммуналки, бегал с работы на работу и едва сводил концы с концами. Борис ночь не спал, думал. Взял. И до сегодняшнего дня не жалел об этом. Он назначил Димку старшим менеджером, и тот отлично справлялся. А сегодня утром, именно сегодня, был звонок, и Добров узнал, что через Димку утекает конфиденциальная информация фирмы. Человек, которому он доверял безгранично, как себе, продал его за дополнительный бутерброд. Да, он так и спросит: «Димыч, я тебя плохо кормил?» Борис хотел придумать фразу побольнее, но этим лишь причинял себе дополнительные страдания.

Голова пухла, раскалывалась, трещала. Ему было плохо. Трасса перед глазами начала двоиться. Он почувствовал, что не может вздохнуть глубоко – когда попытался сделать это, боль пронзила грудь до лопаток. Нужно было остановиться, выйти из машины, глотнуть воздуха и вместо воды – горсть чистого снега.

Неожиданно ярко он почувствовал на губах вкус снега, ощущение лопающихся на языке крошечных льдинок. Подумал: «Неплохо бы и голову сунуть в снег, так она раскалилась. Того и гляди – треснет».

Добров доехал до первой развилки. За поворотом темнел лесок. Синела стрела указателя: «Завидово». Борис добрался до опушки и остановился. Худо дело. Покопался в аптечке, нашел цитрамон и зажал в кулаке. Выйти бы из машины… Он испугался. Вдруг понял, что может умереть прямо тут, на повороте в Богом забытое Завидово, и никто не будет знать…

Он откинул голову на подголовник и прикрыл глаза. Сквозь полусомкнутые ресницы он видел легкое движение в перелеске. Сначала даже не понял – сон это или явь. Заснуть он боялся, знал – не проснется. Между тем ужасная слабость, охватившая все тело, не давала двигаться. Он заставлял себя вглядываться в картинку. Среди деревьев на лыжах двигалась женщина. Она не шла прямо по лыжне, а именно ходила от дерева к дереву и что-то там творила возле этих деревьев. Сквозь ресницы женщина казалась миражем, и он точно не мог утверждать, живая она или – видение. Сердце противно сбивалось с ритма. Доброва начал колотить озноб.

Вдруг он понял, что женщина делает – собирает хвою! Она высматривала самые зеленые молодые ветки и обирала с них хвою в сумку. Зачем она это делает, Добров не понимал и не старался понять. Он наблюдал безыскусную грацию движений и вдруг подумал: «Неужели это будет последнее, что я увижу?» Она осторожно общалась с деревьями, которые, кажется, с радостью отдавали ей часть своего богатства. Женщина была не одна. Из-за деревьев вынырнул худой высокий подросток с рюкзаком за плечами, что-то показал ей на ладони. Женщина улыбнулась. Добров и забыл, что такое бывает – что можно неторопливо ходить по лесу, слушая гул сосен и вдыхая запах смолы и хвои. Что можно не думать о поставках, конкурентах, прибыли, НДС и налогах.

Он снова попытался глубоко вдохнуть, но боль пронзила его насквозь. Ноги были ледяными. Он открыл дверцу машины и заставил себя подняться. Когда выпрямился, держась рукой за дверцу, люди в лесу увидели его и, прервав свои занятия, уставились удивленно. Он попытался улыбнуться им, наклонился, чтобы зачерпнуть снега, и тут ощутил глухой сильный удар в грудь. Кажется, от толчка он покачнулся и стал оседать в снег. Последнее, что он видел в этот день, были лыжники, бегущие в его сторону.

…Он долго не мог сообразить, где находится. Прямо перед ним колыхалась бледно-голубая занавеска. С подоконника розовыми цветами приветливо взирал на него ванька-мокрый. Добров чувствовал противную слабость во всем теле и

сначала решил, что спит. Занавеска колыхалась не от ветра, а от движений котенка, бегающего за своим хвостом. Если это сон, то сон из далекого детства. Когда-то он жил в доме с геранями на окнах, с занавесками вместо дверей. По утрам там пахло блинами и душицей. И было спокойно на душе, как сейчас.

Котенок вскарабкался на кровать и уцепил Бориса за ногу мелкими коготками. Нет, это не сон. Котенок настоящий – от коготков стало щекотно.

Звякнула посуда. Сквозь занавеску Добров угадал силуэт женщины. Она поставила на стол глубокую миску, просеяла над ней муку. Налила что-то в муку и начала все неторопливо перемешивать.

Котенок спрыгнул с кровати и поковылял к женщине. Потерся о ее ногу и стал играть с помпоном тапочки.

Движения женщины были неспешны, плавны. Добров лежал и смотрел, боясь голосом или шорохом спугнуть картинку, которая привнесла в его состояние давно забытое, казалось – навсегда, чувство. Это неспешное домашнее спокойствие, исходящее от движений женщины, почему-то трогало его до слез, грело, как тепло русской печки. Он был такой слабый, беспомощный. Слеза катилась из глаза и попадала в ухо. У него не было сил вытереть щеку. Добров плакал отчего-то и понимал, что – живой.

Котенок вернулся из кухни переваливаясь. Его живот раздулся, от этого котенок стал еще более неуклюжим. Он примерился взглядом, уцепился за покрывало кровати и вскарабкался по нему. Бесцеремонно прошелся по руке Бориса, уселся под мышкой и стал смотреть на незнакомца, сонно сощурив глаза.

– Наелся? – понимающе улыбнулся Добров.

Его, вероятно, услышали в кухне. Там что-то вопросительно звякнуло и затихло. Мягкие шаги устремились к занавеске. Ткань колыхнулась, и он увидел лицо. Мягкую улыбку, которая очень украшала хозяйку. Убери улыбку – и лицо, наверное, станет совсем обыкновенным. Каштановые волосы, собранные в хвостик, немного усталые глаза. По ним, по глазам, Добров определил возраст – около сорока.

– Проснулись? – негромко спросила женщина и, наклонив голову, внимательно всмотрелась в лицо Доброва.

– Кто вы? – вопросом ответил он.

– Полина. – И она, вытерев полотенцем, протянула ему руку. Не успел он сообразить, как-то отреагировать, она мягко прикоснулась к его ладони, пожала пальцы. – Напугали вы нас. Наверное, понервничали?

Добров согласился глазами – моргнул.

– Теперь уже все позади. Вам надо отдохнуть. Все будет хорошо, Борис Сергеевич.

Видимо, вопрос возник в глазах у Доброва, поскольку она сразу пояснила:

– Мы паспорт ваш посмотрели. Я должна была вызвать врача. Ваше счастье, что нитроглицерин в аптечке нашелся. И Тимоха умеет машину водить. А то – беда…

Добров потихоньку вспоминал. И как он остановился на опушке, и как собрался таблетку снегом заесть. И лыжников среди деревьев вспомнил.

– Тимоха – ваш сын?

Женщина кивнула.

– У меня тоже сын. Только маленький.

Он говорил совсем тихо. Голос не подчинялся ему. Было немного неловко за следы слез, но только чуть-чуть. Почему-то было безразлично то, из-за чего он так терзался накануне. Словно со вчерашнего дня прошло сто лет. Словно наступила другая эпоха, с другими ценностями. Он думал о сыне, думал, что придется судиться из-за него с Галиной, но мысли эти текли, не задевая его чувств. Остальное было вообще не важно сейчас, зато важно было все, что говорила эта женщина. Он ждал ее слов, словно она могла открыть ему истину. Он следил за ней глазами, не делая движений, молча, по праву больного.

– Это хорошо, когда они маленькие. Полностью зависят от нас, всегда рядом. А подрос – вот-вот гнездо покинет…

Добров ничего не ответил. Он был немного разочарован. Ему на миг пригрезилось, будто эта женщина должна все знать о нем без вопросов и объяснений. И про Ростика, и про жену, и про Димку Корякина. Как было бы хорошо, если бы ей все было ясно… Но оказалось, она ничего не знает. А рассказывать у него сил не было. Да и глупо рассказывать все это незнакомому человеку. Нужны ей его проблемы?

– У вас сильный сердечный приступ. Я вызвала врача, – повторила она и добавила: – Только до нас не скоро доберутся. Машин мало, а район большой.

– Зачем?

– Как зачем? Сердце – это серьезно. Нужно кардиограмму снять. Могут уколы назначить.

– Мне уже лучше. Я сегодня поеду.

Добров попытался приподняться, но женщина сделала опережающее движение.

– Ни в коем случае. У вас давление низкое. Вам бы укол, а у меня ампул нужных нет. Те, что были, я вам уже сделала.

– А вы что – врач? – удивился Добров.

– А чему вы удивляетесь? – обиделась женщина. – Думаете, врачи бывают только в городе?

– Честно говоря, никогда не задавался этим вопросом, – признался Борис. Даже длинная фраза заставила его почувствовать одышку.

Он лежал и думал, переваривал информацию. Надо же – врач… А ведь можно было бы догадаться по ее речи. Говорит она не по-деревенски.

Женщина поставила у изголовья табуретку, застелила полотенцем.

– Я вам чаю заварила с травами. Сейчас принесу.

Какой все-таки у нее приятный голос… Добров чувствовал, как по спине и затылку поползло приятное покалывание. Оно обволакивало, словно гипноз, словно тихая колыбельная. Ему хотелось молчать и подчиняться, следовать тому, что она скажет, слушать ее голос, лишь бы не покидало странное, волшебное ощущение.

Она вернулась и принесла пузатый керамический чайник. Остро запахло липой и медом. Добров невольно зажмурился, вдыхая ароматы. А когда открыл глаза, перед ним стояли миска ноздреватых оладий и блюдце сметаны.

– Сейчас подушки повыше поднимем, и будет хорошо, – сказала женщина и наклонилась к нему совсем близко.

Он почувствовал ее теплый уютный запах – уловил в нем лишь арбузную нотку снега, дальше была какая-то трава, названия он не вспомнил. Она ловко подняла подушки, и действительно стало удобно. Борис попробовал чай с липой, слушая, как громко мурлычет котенок и в кухне тикают часы. Он ни о чем не думал, словно отдал себя на волю неведомой доброй силе. После чая он задремал. Проснулся от шума подъехавшей машины. Догадался, что приехали медики, и невольно поморщился. Не обращался он к врачам никогда, не любил этого.

Врачом оказался мужчина, примерно ровесник Доброва. Он стыдливо прикрывал лысину остатками волос, зачесывая их с одной стороны на другую. Такая манера всегда очень много говорила Доброву о человеке. Он мог бы описать характер и привычки этого врача, даже его комплексы и кулинарные пристрастия. Такие люди были неинтересны Доброву, и ему заранее было неприятно, что он лежит, а тот сейчас будет обращаться к нему покровительственным тоном. Но первый вопрос, который задал мужичок, его обескуражил:

– Вы что же, новый муж Полины?

– Глупостей-то не говорите, – отозвалась из кухни Полина. – Человеку плохо стало на опушке леса. А у вас, как всегда, мысли в одном направлении работают. Осмотрите больного-то повнимательней, Леонид Андреевич.

Замечание Полины немного охладило любопытство доктора. Он измерил давление, послушал сердце.

– «Скорую» вызывали?

– Зачем? – снова из кухни отозвалась хозяйка. – Пока ее дождешься, можно десять раз помереть. Я сама все сделала, что надо. Вы лечение назначьте. Без рецепта ампулы не купишь. Я сама уколы проколю.

– Да? – У врача брови вверх поехали. – Значит, больной здесь останется? Надолго?

– На сколько понадобится, на столько и останется. Или вы считаете, в таком состоянии можно садиться за руль?

– За руль нельзя. Можно забрать в больницу.

Добров с интересом слушал эту перепалку, не понимая ее сути. Ему было немного жаль незадачливого врача, и он понял, что доверяет Полине. Она все сделает как надо. А потому лежал и молчал, не высказывая никаких пожеланий, не встревая в разговор. Врачу, напротив, видимо, хотелось поболтать. Он подробно и обстоятельно стал рассказывать о коварствах стенокардии, об инфарктах и инсультах. Когда Добров вдруг почувствовал приближение тошноты, вызванное обилием медицинских подробностей, его снова выручила Полина. Она выглянула из-за занавески и коротко напомнила:

– Рецепт напиши.

Мужичок быстро накорябал рецепт и вышел в кухню. Борис закрыл глаза.

Знакомы… Возможно, вместе работали. Почему-то ему захотелось услышать, о чем они станут говорить.

– Значит, не твой? – донеслось до Бориса. – А я уж было подумал – ты траур сняла, Полина. А чё? Мужик справный, и – в твоей спальне. А машина его у ворот стоит? Крутая…

Доктору, вероятно, хотелось обмусолить эту тему, но его, кажется, оборвали. Что ответила хозяйка, Добров не расслышал. Зато хорошо слышал доктора. Тот, не стесняясь, сказал громко:

– Вот если бы ты, Полина, была посговорчивей, тогда, может быть, и фельдшерский пункт в деревне оставили бы, и сама бы ты под сокращение не попала… А строптивость, она ни к чему сейчас. Время не то.

– Не дождешься, Леня, – спокойно отозвалась женщина. – Обойдемся как-нибудь.

– Ну, это как сказать… – не унимался врач. Он, видимо, не торопился к другим больным, из ничего выуживая нитку давнего разговора. – Я слышал, ты практикуешь? Частным порядком, без лицензии?

Голос плешивого изменился, стал вкрадчивым, даже мягким, но слушать его было неприятно. Добров напрягся. Он догадался, что Полине тоже неприятен этот разговор. Встать бы и выкинуть этого Леню за ворота…

– Не практикую, а просто помогаю людям. Разница есть? А что это вы, Леонид Андреевич, моей персоной так заинтересовались? – усмехнулась Полина. – Может, хотите помощь оказать?

Доктор что-то вякнул. После чего голос женщины приобрел новые интонации:

– Или успокоиться не можешь, что я спать с тобой не стала, как другие? Или что знаю о тебе много? Ну? В чем дело-то?

Добров видел сквозь занавеску силуэт Полины. Она встала – руки в бока, в кулаке скалка. Поза не самая дружелюбная. Доктор это просек – засмеялся неловко, накинул тулупчик, засобирался.

– Хорошая ты баба, Полина. Сколько лет тебя знаю, всегда восхищаюсь тобой. Как там у Некрасова? «Коня на скаку остановит…» – пятясь к двери, продекламировал Плешивый.

Полина без лишних движений наблюдала за ним.

– Просто жалко, что такая женщина без мужика пропадает. Сколько лет уж Николая-то нет?

– Ничего, не пропаду, – успокоила его женщина, ступая следом.

– Всем ты хороша, – напоследок похвалил врач. – И ладная, и деловая. Вот только холодная ты, Полина.

– Какая есть!

– Ну да, ну да. Женщина-зима, – усмехнулся врач и прикрыл за собой дверь.

А Полина осталась стоять со скалкой в руке. Доброву захотелось расспросить ее обо всем, что услышал. Но он почувствовал, что снова вязнет в чем-то теплом и властном. «Женщина-зима», – с улыбкой подумал он и уже через минуту провалился в сон.

Глава 4

Машина подъехала к пекарне, и Люба выпрыгнула на снег. Она сразу обратила внимание на собственную походку – пока шла от машины к пекарне. Где былая легкость, где пружинистый шаг? Она тяжело брела, как усталая женщина: голова книзу, ноги поднимаются через силу. Куда это годится?

Любава выпрямила спину, подняла голову и сразу наткнулась взглядом на огромный амбарный замок на дверях бывшего склада, а ныне ее пекарни, каждое утро выдающей новую партию ноздреватого деревенского хлеба. Было еще совсем темно, редкие звезды домигивали в предутреннем зимнем небе. Она потрогала замок и зачем-то оглянулась, словно могла увидеть зачинщиков такого бунта. Получается, что пекарь не вышел на работу, ее даже не предупредив? А что делать с заказчиками? Любава начинала закипать.

Назад к машине уже не шла, а бежала. Щеки ее гневно горели наравне с глазами.

– К Антипову поедем, пекарю.

У Антиповых в доме свет не зажигали. Пекарь был ни сном ни духом. Он вытаращил на нее сонные глаза и объявил:

– Так вы же пекарню продаете, Любовь Петровна! Так Пухов сказал. Он и замок повесил. Я тоже удивился сначала. А потом думаю: все может быть… Дело хозяйское…

Любава задохнулась собственным возмущением. Она не знала, как сдержать себя, чтобы не взорваться, не обложить по полной программе ни в чем не повинного пекаря. День начинался как в кино. Тем не менее нельзя было терять ни минуты.

Во дворе Пуховых надрывалась овчарка. Лаяла, гремела цепью, бросалась на ворота. Любава долго стучала в калитку, прежде чем Пухов – круглый маленький мужичок в накинутом поверх майки тулупе и валенках на босу ногу – неторопливо спустился с крыльца и вышел к ней за калитку. Любава поняла, что разговаривать с ней при домашних Пухов не собирается. Что-то нехорошо заныло в глубине ее существа. Но виду она не подала. Тем более что и Пухов виду не подавал – улыбался во все свое гладкое лицо, жмурился на морозце, позевывал спросонья.

– Любовь Петровна! Красавица! Утречко доброе… Вот кому не спится… Смотрю – на новой машине. Дай-то Бог…

Любава пропустила мимо ушей «новую машину». После того как Семен оставил ее без грузовика, она вынуждена была договариваться с соседом. Пришлось взять в аренду «уазик», а в придачу – его хозяина в водители. При ее положении это было разорение, но деться некуда. Теперь каждый ее промах, каждая деталь станут известны соседке. Сплетен не избежать.

– Я что-то не поняла, Василич, насчет пекарни. Почему замок? Что за новости?

– Погоди, погоди, Петровна, – все с той же сладкой улыбочкой продолжал Пухов. – Наше с тобой дело порядка требует. Так?

– О каком порядке речь? Разве у меня в пекарне порядок не соблюдается? Санитарные нормы?

Любаве стало жарко, и она размотала на шее платок – тонкую «паутинку».

– Остынь, Петровна. Пекарня-то она, конечно, твоя, но помещение-то мое. Так?

– Ну и что? – опешила Любава. – Мы тебе за аренду исправно платим. У нас с тобой договор, Василич, и ты не зарывайся. Я должна хлеб везти на точки. И кроме того, у меня – школа, детсад и детдом! Там хлеб нужен ежедневно! Свежий! Давай ключи.

– Торопыга ты, – подхихикнул Пухов. – Разобраться надо. Претензии у меня к вам. Что сам-то? Я хотел с Семеном потолковать…

– Что за новости, Зиновий Васильевич? Всю дорогу я документацию вела, при чем здесь Семен?

– Уплачено у вас, оказывается, не все… – как бы не слыша ее, продолжал он. – И вообще… Мне помещение понадобилось. Хочу свое дело открыть.

Любава разинула рот, не в состоянии вымолвить ни слова.

– Ты, я слышал, с мужем-то разводиться собралась? Дело ваше. Конечно, я тебе, Любовь Петровна, не указ, но совет все же дам по праву старшего. Продавай пекарню. Одна ты это дело не потянешь. Красоту свою только надорвешь. А продашь – деньги выручишь неплохие…

– Спасибо за совет, – наконец обрела дар речи Любава. – Так ты что же, всерьез решил мне пекарню не открывать?!

– Заморозила ты меня совсем, – крякнул Пухов и стал приплясывать от холода. Маленький круглый шут. Чего он хочет? Что ей делать? Не драться же с ним?!

Пухов потер руки и повторил:

– Неувязочка вышла в нашей бухгалтерии, Петровна. Я проверял на досуге. Не сходится…

– Как не сходится?! – ахнула Любава, все еще не веря своим ушам. – Мы же с тобой проверяли последний раз, все сходилось! Почему же теперь…

– А потом я дома, в спокойной обстановочке, перепроверил – не сходится. Как есть – расхождения. И немалые, скажу я тебе, Петровна… – Пухов прищелкнул языком так, словно сожалел, что сразу не заметил расхождений. – Ты собери бумаги-то, тогда и потолкуем. Но лучше всего – продавай! Оборудование у вас не ахти какое, но если в цене сойдемся, могу рассмотреть… Исключительно из сочувствия к тебе, Петровна, к твоему женскому положению…

Любава повернулась и пошла к машине – платок размотан, пальто нараспашку. Она не хотела больше слушать эту галиматью. Этот бред собачий, что сочинил Пухов от избытка свободного времени. Она забралась в машину, напоследок оглянулась на забор Пухова, на крашеную калитку с надписью «Осторожно, злая собака». Уже светало. Небо на востоке высветлело, подернулось розовым. В домах появились огни. Кое-где дымы потянулись в небо – люди начинали топить печки.

– Куда теперь? – равнодушно и сонно спросил сосед, и Любава поняла, что она одна. С прежним водителем можно было хотя бы посоветоваться, он знал их дела и был проверен временем. Теперь он вместе с машиной остался при магазине. Одна во всем мире. Наедине со свалившимися проблемами, решать которые нужно немедленно. Она не могла, как Скарлетт, сказать себе: «Об этом я подумаю завтра». Решать нужно было немедленно. Сегодня. Сейчас.

«Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик…» – подумала она невесело. А соседу сказала:

– В город поедем. На хлебозавод. Только быстро, Слава. Бензину хватит?

На хлебозаводе она договорилась, что неделю будет брать у них хлеб каждое утро. Ровно столько, чтобы хватило на школу, детсад и детдом.

Когда вернулись в райцентр, уже совсем рассвело, у детдома орудовал дворник. Заведующая выбежала навстречу машине.

– А мы уж решили, вы нас без хлеба оставите сегодня… – не сумев скрыть упрека в голосе, начала заведующая.

– Как можно! – бодро возразила Любава. – Разве такое было?

– Не было, – согласилась заведующая. – Ни разу не было. Да и хлебушек ваш – не чета городскому. Я и домой беру всегда только ваш.

Любава слегка стушевалась при этих словах, но тут же сказала:

– С недельку придется потерпеть, поесть городского.

– А что такое?

– Пекарь приболел. А заменить некем. Никто, кроме него, секретов не знает.

– Ну что ж, подождем…

Та же картина повторилась в садике и школе. Когда последний лоток с хлебом был выгружен из «уазика», Любава отпустила водителя и закрылась дома. Мозг ее непрерывно работал. Он интенсивно и на разные лады прокручивал сразу две мысли.

Одна мысль была экономическая и касалась сегодняшних убытков, понесенных от приобретения готового хлеба на хлебозаводе. Мозг неукоснительно и без труда вел подсчет предстоящих материальных бедствий, если подобные приобретения она станет делать и дальше. Она может себе позволить пару дней. Не больше. А там или она решит проблему, или нужно будет отказывать постоянным клиентам и… продавать пекарню. Чего и добивается Пухов. Глаз положил на пекарню! Прослышал, что Семен от нее ушел… Пухов!

Вторая мысль была о нем. Когда в его лысую голову закралась эта «гениальная» мысль? Почему он заговорил о продаже пекарни? Кто сказал, что она собирается ее продать? Семен? Но не дурак же он, чтобы с кем-то посторонним обсуждать их дела. Он бы в лицо сказал. А его слова были такие: «Мой магазин, твоя пекарня». Или в душе он сомневался, что она справится? Решил, что захочет продать? Ни за что! Она должна справиться. Чего бы ей это ни стоило.

Любава поймала себя на том, что мечется по квартире, из комнаты в комнату, в поисках чего-то. Чего? Стоп. Вот зачем она, например, полезла на антресоли? Что она там забыла? Стояла на табуретке и думала.

«Думай, Любовь Петровна, думай. Мало у тебя времени, подруга. Шевели мозгами».

Тут в ее мысли врезался звонок. Она спрыгнула с табуретки и в одной тапке побежала к телефону. По характеру звонка узнала межгород.

– Танюша? Да, детка, да! У нас все хорошо. Ты как? Устаешь? Семинары?

Любава сосредоточилась на разговоре с дочерью. Пришлось контролировать себя, чтобы не выдать ненароком. Не уронить на дочку свои проблемы. Про ссору с Семеном – ни-ни. Пусть девчонка не переживает лишнего. Она и так одна там, вдали от дома.

– Мам, я чего звоню-то! – вдруг посреди разговора вспомнила дочь. – Посмотри в моих старых тетрадях по английскому самописный словарь. В целлофановой обложке. Ладно? Пошли мне его с кем-нибудь, кто в Москву едет. Ага?

Любаву как прострелило. Тетрадь! Ее старая толстая тетрадь, куда она записывала все расходы-приходы, где вела все дела. Вот она, виновница сегодняшней ситуации! Вдруг все стало ясно. Она четко вспомнила тот момент, когда пришла к Пухову со своей большой зеленой тетрадью, где накануне исписала последние страницы и подклеила счета. Вести дела подобным образом ее научила старая совхозная главбух, еще когда работали в конторе. Та не признавала компьютеров, все записывала в толстую тетрадь.

Любава переняла эту привычку, завела толстенную тетрадь под свою бухгалтерию. Тетрадь видала виды. В ней было все до копеечки: закупка муки, оплата аренды, долги, зарплата рабочим, прибыль и расход. Все. И перед Новым годом они с Пуховым сидели за столом в пекарне и проверяли счета. Она – с калькулятором, он – по старинке, со счетами. Она еще подкалывала его: «Тебе, Василич, нарукавников не хватает. Истинный советский счетовод». Все у них тогда сошлось. Тютелька в тютельку. Копеечка в копеечку. Она хлопнула по столу своей исписанной тетрадищей и сказала:

– Все! Год кончился, и тетрадь моя кончилась!

– Да уж! Конторская книга, – усмехнулся Пухов.

– Отслужила свое. Можно выкинуть на помойку. А то и в печке сжечь.

– Ну! В какой-то стране, я по телевизору видел, под Новый год старые вещи жгут. Выносят, разводят костры и жгут! – с азартом подхватил Пухов.

– Придется поддержать традицию, – засмеялась она. Настроение тогда было хорошее, не чета теперешнему. Так вот в чем дело! Он запомнил тот разговор. Он думает, тетрадку она, как и грозилась, спалила! А не тут-то было. Не такая она дура. Да, конечно, закинула она ее куда-то, зашвырнула. А перед Новым годом как раз ремонт небольшой затеяли. Танюхину комнату готовили к приезду хозяйки. Бардак в доме был…

Люба подскочила и принялась искать. Вытащила все ящики письменного стола. Вытрясла содержимое на пол. Нет тетради. И в диван заглянула, и в шкафы. Нет, как не было. На всякий случай в баню заглянула – вдруг Семен на растопку нечаянно отволок? И в сарай сходила, проверила старые Танюхины портфели. Результат нулевой. Тетрадь со всей бухгалтерией как в воду канула.

Ирма шла через все село укатанной санями дорогой, по первым признакам угадывая приметы весны. В ветвях тополей возле школы особенно гомонили птицы, словно передразнивая детей. С крыши магазина, с южной стороны, кусками отваливался подтаявший снег. Она свернула в проулок, нарочно делая крюк, чтобы пройти мимо своего дома. Она редко ходила той дорогой, но сегодня ей вдруг захотелось увидеть его. Дом совсем не изменился на первый взгляд. Калитка, палисадник, три тонкие вишни за забором, береза, крыша дровяного сарая – все, как было при родителях, когда они жили здесь все вместе: мама, отец, брат, сестры.

Сердце сладко защемило, как от предстоящей встречи со старым близким человеком, которого ты помнишь молодым и здоровым. Дом с сожалением смотрел на нее. У Ирмы защипало в глазах. Она знала, что, подойдя ближе, заметит признаки, которые указывают на присутствие других хозяев. Но глаз отвести не смогла. Все эти приметы бросились в глаза одновременно – чужие

цветы на окнах, другие занавески. Белье во дворе чужое, и собака лает другая. Ирма, не останавливаясь, прошла мимо, но и этого краткого свидания хватило, чтобы сразу в нее ворвались роем воспоминания детства. Они всегда теснились где-то поблизости. Ей казалось, что она всегда-всегда помнит одновременно все моменты своего детства. Но это было не так. Они лежали в ее душе слоями. Какое-то воспоминание таилось внизу, под другими, и вдруг неожиданно взлетало наверх и становилось пронзительно-ярким. Вот сейчас, например, всплыло утреннее зимнее – она проснулась от треска поленьев, по стенам танцуют отсветы огня. Ирма смотрит на огонь и тянет время – еще есть минутка понежиться в постели, встали только родители, сестры и брат спят. Отец топит печку, мать готовит завтрак. Запахло сдобой… Мать печет кух – немецкий пирог без начинки. Ирма вспоминает: сегодня у брата день рождения. Она вскакивает. Пробегает босыми ногами в сени, где за старым буфетом спрятан подарок – полосатый вязаный шарф. Она сама вязала на уроках труда. Получилось неплохо, она ужасно горда своей работой. Приплясывая от мороза, вкладывает в шарф открытку с поздравлением. Обертка сильно шуршит. На цыпочках возвращается в комнату. Сестры уже открыли глаза, перемигиваются. А брат делает вид, что спит. Он тактично ждет, когда они подложат подарки под стол, рядом с его портфелем. Ходят на цыпочках. Вот у портфеля уже набралась внушительная горка свертков. Сестры выстраиваются вокруг стола.

– Эрик…

Брат открывает глаза и с диким криком вскакивает с постели. Как трудно было ему сдерживать себя!

Как было хорошо! Почему она не понимала тогда, что ей хорошо? Она, дурочка, жила ожиданием светлого будущего, подгоняла его, мечтала о любви. Лучше бы она подольше оставалась маленькой! Лучше бы родители собрались уезжать, когда она еще была совсем ребенком и не могла принимать решений! Нет, все случилось так, как случилось: началась перестройка, колхоз стал катастрофически беднеть. Работяга отец все чаще стал приходить хмурым, а мать – поговаривать об отъезде. Тогда начали поголовно уезжать все оставшиеся немцы. И Краусы уехали, и Ганны. А отец все не решался, тянул. Говорил: «Может, все наладится, подождем…» Но ничего не наладилось. В колхозе перестали давать зарплату. Отец сдался. Мать начала собирать документы на выезд. И даже тогда Ирма не задумывалась ни о чем. Она жила своим, придуманным. Влюблялась, бегала на танцы в клуб, даже в губернском конкурсе красоты поучаствовала и вошла в десятку красавиц. Вся эта веселая

молодая жизнь казалась ей очень важной. Важнее, чем тишина спящего дома и огонь печки…

Документы на выезд готовились очень долго. Им все отказывали в визе. Вызов не приходил, и поэтому отъезд семьи откладывался и казался уже чем-то маловероятным. О Германии она не думала. Жила себе и жила. За то время пока родители готовились к отъезду, в ее жизни все менялось с быстротой американского кино. Ее жизнь и жизнь семьи проходили в разных скоростях. И когда наконец родители объявили, что документы готовы и, слава Богу, нашлись покупатели на дом, Ирма в ответ объявила, что выходит замуж. И остается здесь, в Завидове…

Ирма везла за собой сани с двумя пустыми флягами и жадно смотрела по сторонам, с легкостью находя в домах знакомой улицы черты ушедшего детства. Дома соседей мало изменились, и это Ирму несказанно радовало. Ей хотелось, чтобы улица ее детства оставалась неподвластной времени. Вечером она станет писать своим и подробно выпишет каждую деталь. Всех знакомых, все деревенские сплетни. Она только не станет описывать подробности своей сегодняшней жизни. Ведь она сама ее выбрала. Родные ничем не смогут ей теперь помочь.

Ирма и не заметила за своими мыслями, как дошла до двора Никитиных, крайнего на улице. Маслобойку они соорудили в сарае. Ирма шла туда впервые и, уже подойдя вплотную к воротам, вспомнила сальные намеки Игоря. Ее передернуло. Какая дурь… Да, она видела Володьку однажды в магазине. Да, поздоровалась. Спросила, как дела. Он ответил, что решил строить маслобойку. Она пожелала удачи. Но Игорь хорошо знает брата. Приревновать Ирму к Володьке – тому ничего не стоит.

Володька действительно осуществил задуманное – построил во дворе родительского дома маслобойку. По осени все, у кого был пай подсолнечника, отвезли урожай Никитиным. Один Павел хранил семечки в амбаре до последнего. Только когда свекровь заметила, что мыши озоруют, заставила Игоря отвезти семечки Никитиным. Теперь свекровь послала Ирму забрать готовое масло.

Ирма толкнула калитку и, не услышав лая собаки, вошла внутрь. Во дворе плотно друг к другу прижимались надворные постройки. Где-то в глубине раздавался ровный механический шум. Она пошла на звук. Сильно пахло

жареными семечками. В приоткрытую дверь сарая она увидела Володьку. Он стоял спиной к ней, пересыпал семечки в жарочный шкаф.

Руки, по локоть спрятанные в закатанные рукава тельняшки, легко и не напрягаясь делали свое дело.

– Здравствуй, – громко поздоровалась Ирма.

Он обернулся и некоторое время, щурясь против света, смотрел на нее. Не узнавал. Она вошла в помещение.

– Вот это да… – протянул Володька и покраснел.

Ирма развела руками. Ей хотелось ответить что-нибудь остроумное на его неопределенное приветствие, но его смущение сбило ее с толку. Она не нашлась что сказать.

Володька вытер руки полотенцем, вдруг расплылся в улыбке и, забрав у нее варежки, взял за руки.

– Ирма, ты совсем не изменилась.

Она растерялась. Вот уж чего не ожидала, так это подобных жестов. Она напряглась, улыбнулась натянуто, но… рук не убрала. Настолько естественным и приятным показалось ей это простое рукопожатие.

– А ты изменился, Володя, – сказала она. Это было правдой. Она плохо помнила Володьку-школьника, потому что, вероятно, он мало отличался от сверстников. Маячило в памяти что-то такое худющее, ушастое, с соломенной челкой и выцветшими на солнце глазами. Сейчас он был другой. Возмужал, стал высоким, широкоплечим мужчиной. Щетина на щеках, которой он, вероятно смущался, ругая себя за то, что не побрился утром, придавала ему особый шарм, линялый цвет глаз добавлял загорелому лицу некоторую «киношность». Глаза блестели под широкими полосами бровей, и от привычки улыбаться возле глаз веером расходились короткие лучи морщинок.

– Я так рад тебя видеть. – Володька улыбался во все лицо и говорил просто, не вкладывая в слова потаенный смысл. Ирма чувствовала, как внутри ее существа что-то мякнет от его слов. Она теряется. – Пойдем в дом! Мама чаю поставит…

– Нет, нет! – поспешно воспротивилась Ирма, испугавшись именно того, что делается у нее внутри от простого человеческого тепла. – Я к тебе по делу пришла, за маслом. Муж привозил подсолнечник, и вот… я пришла…

Володька смотрел на нее с интересом, но ей казалось – он плохо понимает, что именно она говорит.

– Как же ты пришла? – наконец с улыбкой поинтересовался Володька. – Как ты это повезешь одна?

– На санках.

– Две фляги? Да ты что? Да как тебя Павел пустил? У него же машина!

– Ему на машине некогда, а я на саночках, потихоньку, по ровной дороге…

Володька головой покачал. Они вышли во двор. Он взял ее за руку и повел в дом. При этом он говорил:

– Сейчас отец масла накачает, а мы чаю попьем. Я ведь сто лет тебя не видел. У матушки моей варенье абрикосовое, знаешь какое? Ого-го…

И снова Ирма не смогла противиться Володьке. Все выглядело очень естественно, и она не могла отказаться выпить чаю после стольких лет разлуки с товарищем по школе. И она пила чай, и Марья Ивановна хлопотала, расспрашивала, как устроились родные в Германии, и про дочку Катю. Ирма охотно говорила, как намолчавшийся досыта человек, и щеки ее от чая ли, от оладий горячих – раскраснелись. А Володька все молчал, дул в чашку и посматривал на гостью с непонятным выражением глаз. Вошел отец, объявил, что фляги готовы. Ирма засобиралась, засуетилась. Володька тоже стал одеваться, сказал, что проводит.

– Нет-нет, я сама, не надо…

Но Володька уже оделся, вывел ее в сени, по пути объясняя, что две фляги масла – тяжесть серьезная. И ни к чему ей надрываться, не стоит оно того.

И снова все выглядело естественным и единственно верным. Ирма легко согласилась, что «не стоит оно того». Володька волшебным образом возвращал ее к самой себе, прежней. Той, какой она была до знакомства с Павлом.

Володька легко вез сани с флягами, шутил, смеялся. И они почему-то поехали именно той дорогой, какой она шла днем. И когда проходили мимо ее дома, Володька кивнул в сторону калитки и спросил:

– Не жалеешь, что не уехала со всеми?

Он спросил с той же улыбкой, и смех в глазах играл. Он не подозревал, что попал в ее болевую точку. Она ответила честно:

– Жалею, Володя.

– Вот как?

Он смеяться перестал, внимательно посмотрел на нее. Но она не стала ничего объяснять. Помолчали, и через некоторое время, когда уже Ирма собралась заговорить о другом, Володька сказал:

– А я не жалею.

– О чем? – не поняла Ирма.

– О том, что ты не уехала со всеми.

Теперь он не смеялся. Совершенно серьезными глазами смотрел на нее. Она нахмурилась, остановилась. Вдруг все вернулось на место. Она увидела магазин, почту, вспомнила, что в любую минуту по этой дороге может поехать Павел или пройти кто-нибудь из домашних, из соседей. Она вдруг взглянула на все другими, своими сегодняшними глазами. То, что она стоит посреди улицы с мужчиной, показалось ей ужасным преступлением. Она смешалась, заторопилась и дальше пошла одна, быстро, насколько ей это позволяли

тяжелые сани. Она даже ни разу не оглянулась до самого дома – настолько ее сковал страх. Дома Ирма поднялась к себе и до прихода Павла возилась с дочкой. Здесь, дома, все чувства, неожиданно возникшие при встрече с Никитиным, уже казались глупой блажью. Она только испытывала некоторую досаду на то, что позволила Володьке увидеть ее такой – с санками, флягами, тогда как в его представлении она наверняка осталась недоступной школьной красавицей. Ни к чему было разрушать образ.

Никитин же, к вечеру закончив дела, достал коробку со школьными фотографиями. Снимков было так много, что мать приспособила под них коробку из-под макарон. В школьные годы он увлекался фотографией. Снимал много, все подряд. Он без труда отобрал фотографии Ирмы – их было немало. Разложил на столе, молча постоял, разглядывая. Мать подошла, встала сзади. Вздохнула. Взяла в руки одну из фотографий.

– Да. Глазки-то горят. Кажется – все нипочем. А жизнь-то скрутит так, что не придумаешь.

Сын молчал, а Марья Ивановна хотела развить тему. Не понравилось ей Володькино поведение сегодня. Совсем не понравилось. Но сказать прямо – нельзя. Взрослый уже, самостоятельный. Работящий и умный. Упрекнуть не в чем. Задумал маслобойку в деревне построить – построил. А сколько было советчиков, сколько завистников! Всех и не переслушаешь. Были такие, что предрекали одни убытки. Будто никто из села к ним подсолнечник не повезет, потому что привыкли в район возить. И неурожай прочили, и все такое. Володька не послушал никого и оказался прав. Все везут к ним теперь. И масло получается как надо – хочешь горячего отжима, хочешь холодного. А вот в личной жизни Володька не шустрый. Женить его надо, чтобы все как у людей, без этих глупостей. Тут осторожность требуется. Тут он без нее, матери – никуда. Она все дела в деревне знает. А он, пока в чужих краях обитал, от деревенской жизни поотстал. Пять лет дома не был – то армия, то в городе счастья искал.

– Ты, сынок, теперь не в прошлое должен смотреть, – мать кивнула на фотографии, – а в будущее. Твои одноклассницы-то все давно замужем, дети у них. Они тебе неровня. А для тебя уж новые подросли невесты…

– Да ну? – весело отозвался Володька и повернулся к матери. – Это не соседка ли наша сопливая?

Мать насупилась. Сын угадал ее тайный замысел насчет Маринки, соседкиной старшей дочери. В уме она так ладно все обрисовала, а сын готов поднять на смех ее проект!

– Ты, сынок, забыл, что в деревне живешь… – напомнила она. – Деревня не город, тут все на виду. Ты вот сегодня Ирму провожать пошел, благородство выказал. Думаешь, ей хорошо будет от этого?

– А что же плохого может быть? Две тяжеленные фляги, мам! Мыслимое ли дело женщине на себе тащить?

– Раз ее муж послал, значит – мыслимое. Она – мужняя жена. Их в нашей деревне таких каждая вторая. Деревенская баба приучена и фляги таскать, и трактор водить. А вот ты влезешь со своими городскими замашками, и ей хуже будет, и тебе достанется!

Как ни силилась Марья Ивановна сдержаться, не удалось. Обидно стало за сына, потому что видела наперед: не то делает, не туда смотрит.

– Какая из Ирмы баба? – поморщился сын.

– Уж какая получилась! А только тебе на нее пялиться не резон, сынок. У нее муж – бандит. От него всего можно ожидать.

– Кто тебе сказал?

– А кто бы ни сказал! В деревне не спрячешься. Темная у них семейка, вон каким забором свой терем обнесли! Людей сторонятся, живут скопом, будто цыгане какие… Тьфу!

Владимир собрал фотографии, но назад, в коробку, складывать не стал, убрал в ящик стола, словно ставя в разговоре на эту тему точку.

Но мать никак не могла успокоиться.

– Я тебе к тому это говорю, сынок, что Павел Ирму к каждому столбу ревнует. У тебя, может, худых мыслей и в помине нет, а он…

– Откуда ты знаешь?

Мать вздохнула и села на диван, с сожалением глядя на сына, как на несмышленого ребенка, не понимающего очевидных вещей.

– Люди говорят, – вздохнула она. – Да и то! Привел в дом красавицу – тонкую да звонкую. А что с ней делать – не знает. Сделать из нее ломовую лошадь – порода не та, того и гляди загнется. А держать такую в холе и неге – у нее мысли могут появиться неугодные. Сами-то они с братом всех девок перебрали. Как приехали из своего Казахстана, как увидели русских девушек-то, крыша и поехала. Зачем она за него пошла? А то не видела, что он направо и налево гуляет!

Говорила это все Марья Ивановна, словно сама с собой рассуждала. А потом заметила – сын слушает ее как-то не так. Затаенно, словно подслушивает. И убедилась, что не зря боялась. Ах, язык мой – враг мой! Разболталась…

– Так, значит, мать, несладко ей живется с Павлом? – задумчиво переспросил сын, и мать пожалела, что затеяла этот разговор.

Глава 5

Было еще совсем темно. Свет сочился из-за кухонной занавески, но он проснулся не от света. Сначала, в полусне, его накрыло облако волнующего запаха. Тело отреагировало прежде, чем он открыл глаза и догадался, в чем дело. Что-то давнишнее, живое, волнующее взбудоражило его. Он открыл глаза и увидел женщину. Она стояла совсем рядом, перед раскрытым шкафом, и что-то осторожно искала среди белья. Подол ее ситцевого домашнего платья касался пальцев его откинутой руки. Пошевели он пальцами, пожалуй, мог бы дотянуться до внутренней стороны ее коленки. От этой мысли стало жарко. Добров не пошевелился, ничем не выдал своей маленькой тайны, продолжал притворяться спящим. Он видел ее руки, несуетливо перекладывающие стопки белья. Задержал взгляд на ближайшей к нему – крепкая, гладкая на вид, женская рука, возле самого локтя две маленькие родинки. Женщина достала из-под белья белый полотняный мешочек, прикрыла осторожно дверцу шкафа и на цыпочках вышла из комнаты, даже не взглянув в сторону Доброва. Его сначала

позабавила, а потом озадачила собственная реакция на присутствие этой женщины.

Чужая женщина в домашнем халате постояла рядом, а он теперь должен ждать, когда кровь перестанет стучать внизу живота! Словно ему двадцать лет!

Он повернулся на бок, откинул жаркое одеяло. Взглянул на задернутое шторками окно. Светает. Нужно ехать. А то размяк он тут в тепле.

Добров твердо решил выехать утром, несмотря на уверения Полины, что садиться за руль ему сейчас нельзя никак. Тимоха вышел почистить снег вокруг машины и обнаружил пропажу: с машины были сняты два передних колеса. Немедленно вызвали отца Полины, стали совет держать.

– Это все потому, что собаки нет, – заявил Тимоха. Никак не мог смириться, что Полкан живет у дедушки. – Была бы собака, не подпустила бы вора. Услышали бы.

– Да это кто-то из своих, – предположил Петр Михайлович. – Другие-то собаки тоже молчали. На чужих бы лай подняли по всей деревне.

– Участкового позвать? – неуверенно предложила Полина.

Мужчины посмотрели на нее с грустью. Никто из них не верил в «находчивость» милиции.

– Я сам подворный обход устрою, – заявил Петр Михайлович и решительно вышел.

Добров с сомнением посмотрел ему вслед.

– Позвонить бы. – Он достал свой мобильник, но тот стойко показывал отсутствие сети. У Полины же на домашнем почему-то не срабатывала восьмерка.

– Я знаю, где можно сеть поискать. – Тимохе не терпелось принять участие в оказании помощи пострадавшему. Но Полина снова возразила:

– Тим, нельзя Борис Сергеичу по горам лазать. Ему сейчас нужен покой и покой.

– А мы Славного впряжем, на санях прокатимся!

И, не дожидаясь, что ему скажут взрослые, парень подскочил и выбежал во двор.

Полина головой покачала.

– Хороший у вас сын, Полина, – улыбнулся Добров.

– В отца, – согласилась она. – Только вы на его провокации не поддавайтесь. Он вас загоняет. Ему что? Носился бы целыми днями. А вам надо себя выдержать. Покой, диета, свежий воздух.

Полина не поняла, чему он улыбнулся. А он мысленно повторил за ней: «“Покой, диета, свежий воздух…” Да знала бы ты, на какие мысли навела меня сегодня утром… А все – свежий воздух». А ей сказал:

– Ну, свежего воздуха у вас в Завидове, я думаю, предостаточно. Надышусь теперь на всю оставшуюся жизнь. Без колес мне никуда.

– Может, попросить у кого-нибудь? Взаймы? У Никитиных «Жигули» есть.

Борис улыбнулся и склонил голову, чтобы Полина не смогла его улыбку за насмешку принять.

– Боюсь, колеса ваших соседей мне не подойдут.

– Да? – Полина задумалась. Вдруг вскинула на него чистые глаза и сказала: – А знаете, ничего так просто не бывает! Если судьба строит препятствия одно за другим, значит, вам там быть не надо, куда вы спешили!

– Да как же так?! Я на работу спешил. Выходит, на работу не надо?

– Выходит, не надо.

Их спор прервал Тимоха. Вошел – улыбка во все лицо.

– Поехали? Я Славного запряг.

Добров только руками развел. Полина строго взглянула на сына:

– Тим, только шагом, прошу тебя. Только шагом!

– Да ладно, мам, понял я… – пробасил парень.

Конь был совершенно белый. Смотрел на людей добрыми, немного виноватыми глазами, словно говоря: да, вот такой я… Добров где-то читал, что белой масти у лошадей нет. Это седина. Словно подслушав его мысли, Тимоха сказал:

– Славный родился такой – белый. А назвали за характер. Покладистый он у нас.

Конь дал себя потрепать по теплой морде, доверчиво взглянул на Доброва влажными карими глазами. Борис забрался в сани на солому, Тимоха тронул бока Славного вожжами. Конь бежал легко. Морозный воздух колол щеки. Мимо неспешно проплывала деревенская улица. У Доброва не исчезало ощущение, что он попал в другой мир. Словно он только что участвовал в бешеной гонке, вокруг все шумело, визжало, скрежетало – и вдруг его на полной скорости выбросило на обочину. А вся гонка – участники и зрители – пронеслась мимо и исчезла где-то вдали. Зато обочина – тихое место – накрыла Доброва невиданной благодатной тишиной.

Он сидел рядом с Тимохой, трогал пальцами солому, смотрел вокруг. Ни о чем не думал. Вернее, не решал никаких проблем. Мысли, конечно, заглядывали в голову, но они были… странные, если не сказать – глупые.

А что, если взять и потеряться? Остаться навсегда в этом Богом забытом Завидове? Никто ведь и не найдет! Выкрасть у жены Ростика и жить с ним вдвоем, как Полина с Тимохой. Смог бы он? А почему не смог бы? Женщина

справляется, а он не справится? И пусть фирма достанется Димке Корякину.

Димка ничего не знает про жизнь и смерть. А Добров теперь знает. Оказывается, человеку мало надо. Видеть небо, дышать, ощущать запахи. Предчувствовать весну. Скворечник вешать в саду. Ходить на рыбалку. Это настоящая жизнь. А то, чем он жил до сих пор, – это что? Это – гонка…

Он усмехнулся. Надо же – начал философствовать. А между тем Славный втащил их на пригорок. Отсюда – вся деревня как на ладони.

– Вон школа. Вон клуб, – показывал Тимоха. – Там мама работает. Вон гараж, мастерские. Там раньше отец работал.

– Сколько лет тебе было, когда отца не стало?

– Девять.

– А ты… хорошо помнишь его?

– Конечно, – даже слегка обиделся Тимоха. – Все помню. Как вчера.

– А чему тебя отец научил? – допытывался Добров.

Тимоха видел, что Доброву действительно важен его ответ, и поэтому честно углубился в воспоминания.

– Готовить учил.

– Готовить?

– Ну да. Отец говорил, что мужчина должен уметь приготовить себе еду и сам следить за своей одеждой. Стирать там, гладить.

– Да, – согласился Добров.

Внутренне он проецировал разговор на себя и Ростика. Он непрестанно думал о своем сыне в ключе последних событий. А если бы там, на обочине, не встретились ему Полина и Тимоха? Если бы Полина не оказалась медиком, все могло быть иначе. Он умер бы прямо там, в лесу. Что было бы с его сыном, ничего не умеющим в жизни, ничего в ней не понимающим? Смог бы Ростик потом ответить на вопрос: «Чему тебя научил отец?»

– Отец строгим был?

– Нет, добрым.

– Деревню любил?

– Отец городской был. Это мама у нас деревенская, она его сюда перетащила. У нас летом, знаете, как красиво? Ого-го! Луга цветут, в озерах карась, в лесу земляника. Летом к нам обязательно приезжайте. Я вам грибные места покажу.

– Обязательно приеду, – пообещал Добров. – С сыном. У меня сын Ростислав, пока еще дошкольник, ни разу корову живьем не видел.

– Привозите. Я его на лошади покатаю.

Они слезли с саней. Оглянулись на пригорок.

– Ого! Да ваш переговорный пункт занят, – усмехнулся Борис. На самой верхушке приплясывал какой-то сумасшедший с сотовым телефоном.

– Это дядя Павел Гуськов. У Гуськовых у одних в деревне сотовые. Только вот сети нет. Приходится каждый раз на гору бегать.

Борис присвистнул. Теперь он заметил внизу, на дороге, зеленую «Ниву».

Напрыгавшись и наоравшись, Гуськов сбежал по горе вниз, впрыгнул в «Ниву» и уехал. Борис достал телефон. Сеть была плохая. Он глазами смерил расстояние до верхушки горы и с сомнением покачал головой. Еще неделю назад он, не задумываясь, зашагал бы вверх. Теперь он не доверял своему телу.

– Давайте я проверю, – предложил Тимоха.

Он взял протянутый ему телефон, в несколько гигантских шагов очутился на вершине горы.

– Ловит! – обрадованно закричал он. – Кого набрать?

– Дмитрия!

Тимоха поколдовал над телефоном.

– Есть! Сигнал идет! Что сказать?

Добров дернулся в сторону Тимохи, но тут же остановился. Действительно, что сказать Димычу, который ему теперь то ли друг, то ли враг? Сказать, что жив и здоров, но самостоятельно не может добраться домой?

Тимоха сверху отчаянно жестикулировал.

– Объясни… как сможешь, – буркнул Добров и махнул рукой.

Тимоха что-то заговорил в трубку, потом стал перебегать с места на место, орать отдельные слова. Вероятно, сеть была непостоянна. Парень прыгал по горе, как и предыдущий товарищ. Потом уставился на телефон. Постояв так несколько секунд, стал спускаться.

– Телефон разрядился.

Борис уже понял, что этим все закончится. Он вспомнил слова Полины. Зачем-то он очутился в этой дыре, оторванный от мира. Он сейчас не принадлежит себе. Нужно расслабиться и плыть по течению.

– Поехали домой, Тимоха.

– Поехали.

Возвращались молча. Теперь настроение Бориса изменилось. Он задавал себе вопрос: смог бы жить здесь? И сам себе отвечал: нет, не смог бы. Не выдержал бы созерцания всеобщей нищеты, выпирающей то упавшим забором, то осевшей крышей сарая, то некрашеными окнами клуба… Кругом разруха, запустение, вчерашний день…

– А это наша столовая. – Тимоха показал на длинное одноэтажное кирпичное здание с облезлой дверью. Сбоку торчало дощатое сооружение известного назначения вовсе без дверей. – Когда-то здесь такие беляши жарили! – вспоминал Тимоха. – Наш колхоз раньше был миллионер. В каждом втором дворе – машина. А сейчас снова на санях ездят.

– Ну, ты-то, наверное, тех времен не помнишь. А, Тимофей?

– Я – нет. Дед рассказывал, и мама помнит.

– Ну а ты скорее всего мечтаешь уехать отсюда куда глаза глядят.

– Почему вы так думаете? – возразил парень. – Как же я маму оставлю одну? Ей без меня трудновато придется.

– Чем же ты здесь займешься?

– Мало ли чем? Вон дядя Володя Никитин маслобойку построил. И я что-нибудь придумаю. Сначала в армию пойду, потом сельхозакадемию закончу. А потом обязательно что-нибудь придумаю!

Добров повернулся, чтобы лучше видеть лицо своего спутника.

– Тимофей, дай я пожму твою руку!

Они обменялись рукопожатием. Когда вернулись домой, Полины не было.

– Мама на репетиции в клубе, – пояснил подросток.

– А ты что будешь делать?

– Корову посмотрю, она у нас отелиться вот-вот должна. А потом ужин буду готовить.

– Меня в напарники возьмешь? Не привык я, брат, без дела сидеть.

– А что вы умеете?

Борис честно подумал:

– Курицу могу жареную, отбивные и плов.

– Тогда – плов. Только вы таблетки не забудьте выпить. Вон мама на холодильнике оставила.

Добров улыбнулся и молча проглотил таблетки.

Часа полтора они провозились с пловом. Зато когда Полина вернулась, ее в сенях встретили такие запахи, что она решила – Любава приехала. Но ошиблась. Ее сын Тимофей укутывал утятницу фуфайкой. А их гость в рубашке с закатанными до локтей рукавами и в хозяйском фартуке тер на крупной терке черную редьку. По кухне гуляли сногсшибательные запахи.

– А я думала – сестра приехала, – почему-то не отрывая глаз от больших ловких рук Доброва, сказала Полина.

– Мы сами ужин готовим, – доложил Тимоха.

– Мы сами с усами, – добавил Добров. Он повернулся, озарив ее широкой улыбкой.

От этой неожиданно сложившейся картины – мужчина в ее фартуке и сын у стола – вдруг перекрылось дыхание. Полина поспешно отвернулась, якобы торопясь снять пальто. Она не могла понять, что с ней, и какое-то время не решалась войти в кухню.

Позвали деда. Он пришел хмурый. Полина по лицу поняла: поиски не увенчались успехом.

– Почитай, больше полсела обошел. Не был только на Горбатке и за оврагом. Никто ничего не видел, но валят друг на друга почем зря.

Полина виновато взглянула на гостя:

– Надо же было такому случиться! Ведь под самыми окнами машина стояла.

– Говорю тебе – свои! – сказал Петр Михайлович.

– Да у нас полдеревни свои, – резонно заметил Тимоха. – Разве теперь кто признается?

– Не пойман – не вор.

Борис неловко почувствовал себя, оказавшись виновником всеобщей суматохи.

– Да ладно, забудем. В конце концов, на автобусе уеду. Машину потом пригоню. Давайте лучше пробовать наш с Тимохой шедевр!

– Пахнет вкусно, – согласилась Полина. – А рис-то какой рассыпчатый!

– Мы старались, – скромно принял похвалу сын.

Плов действительно оказался замечательным. Петру Михайловичу был интересен городской гость, и за ужином он исподволь затрагивал то одну тему, то другую. Искал ту, на которую откликнется Полинин постоялец. А Добров откликался на любую. Начали с охоты и рыбалки, плавно перешли к природным катаклизмам и ко всеобщему потеплению. Затем сделали крюк в сторону инопланетян и развития космоса и наконец перешли к политике.

В самый разгар громкого разговора в сенях раздался топот и затем – робкий стук в дверь.

– Заходите! – крикнула Полина.

Дверь скрипнула, и на пороге появился дядя Саня, сосед Петра Михайловича.

– Вечер добрый. – Дядя Саня виновато улыбался, переминаясь с ноги на ногу.

– Садись, дядь Сань, гостем будешь, – пригласила Полина.

Гость стрельнул глазами на стол и, не увидев там бутылки, скромно вздохнул:

– Я это… по делу я. К Михалычу…

– Как, Сань, олени тебя больше не беспокоят?

Сосед еще больше засмущался, втянул голову в плечи. Большие красные ладони смиренно мяли шапку-ушанку.

– Ты давеча приходил насчет колес, моя говорила. А меня не было… Я это… у шурина был.

– Ну. Приходил. Так ты знаешь, где колеса?

– Ну, знать – не знаю, а кое-что видал, – степенно доложил сосед.

– Ну так не тяни, говори. Да пройди в избу-то, не стой пнем!

– Ну так… вышел я вечером покурить на крыльцо… Стою это… тихо так… А поздно уже, часов двенадцать… Нет, час. Да, час уже, потому что кино по второй как раз кончилось. Ну вот… Стою, докуриваю… Тихо так. С Полканом вашим о жизни разговариваю. И смотрю – тень как бы мелькнула от Полининого двора.

Гостя слушали молча. А Петр Михайлович смотрел на соседа, не скрывая скептического отношения.

– Слушай, Сань, а ты, случайно, не того? А то, может, как с оленями?

– Да ну! Тверезый был, говорю. Полкан твой пьяных не любит. А тут разговаривает со мной через забор, поскуливает.

– Надо у Полкана спросить, – улыбнулась Полина.

– Ну а дальше-то что? – не выдержал Тимоха. – Кто же это был-то?

– Кто был, я не разглядел. Кто ж знал, что колеса пропадут?

– И ты не пошел поглядеть, кто это шастает по ночам?

– Пошел. Только за фуфайкой в сени сбегал, а то стоял в одной телогрейке. А зябко…

– Ну, понятно, Саня. Пока ты за фуфайкой бегал, вор тоже даром время не терял.

– Да, ему удалось уйти. Но следы-то остались!

– Следы? – хором повторили присутствующие.

– Вот такая лапа! И следы навоза по краю.

Кончив свою речь, дядя Саня с достоинством распрямился и оглядел собравшихся.

– Да может, эти следы твоя Нюра оставила. Сходила к скотине вечером и вышла за калитку по какой надобности?

– Не Нюрина нога! – обиделся дядя Саня. – Я своей Нюры ногу знаю.

– Вы, наверное, кого-то подозреваете? – предположил до этой минуты молчавший Добров.

Дядя Саня вновь скромно потупил взор.

– Да пройди в избу-то! – не выдержал Петр Михайлович. – Чё на пороге топчешься, ни тпру ни ну! Чаю выпей!

– Не резон мне чаи распивать. И ты собирайся. В засаду пойдем.

– Мам, можно и я с ними?! – подскочил Тимоха.

– Погоди. Я ничего не понимаю. Так вы кого подозреваете?

– Думаю, без деда Лепешкина тут не обошлось, – скромно предположил гость.

– Лепешкин? Это что, фамилия такая? – не понял Добров.

– Нет, Лепешкин – не фамилия. Это прозвище такое, – пояснил Тимоха. – Но уже никто и не помнит, как его настоящая фамилия.

Дядя Саня усмехнулся:

– Да как же его еще назвать, если у него и зимой и летом на калошах коровья лепешка прилипшая? Где он их только находит…

Отец Полины засобирался:

– В засаду так в засаду. Тимоха, дома сиди, поздно уже. Мы сами.

По всему было видно, что парень недоволен приказом деда, но ослушаться не смеет. Поворчав, Тимоха отправился спать.

Полина стала собирать посуду.

– Знаете, – неожиданно для себя сказал Добров, – я весь вечер думал о ваших словах… Ну, о том, что мне ехать было не нужно, если обстоятельства так сложились…

– И что же вы надумали? – поинтересовалась Полина. Она уже и забыла, что сказала такое Доброву.

– И никак не могу найти ответ, что же за причина. Вот сегодня пытался дозвониться другу… Вернее, бывшему другу, сотруднику своему, на которого очень зол был. И снова – осечка. Это что, звенья одной цепи?

– Наверное. А почему ваш друг – бывший? Вы поссорились?

– Я узнал, что он ведет двойную игру. Узнал, когда был в отъезде. Это был удар для меня.

– Из-за этого вы чуть не довели себя до инфаркта?

Добров кивнул:

– Были и другие причины. Мы с женой разошлись, я приехал навестить сына. Она заявила, что не позволит нам встречаться. Боюсь, не сумею описать вам своего состояния, что со мной сделалось…

– Я видела.

– Ну да… точно, вы видели.

– До такого состояния вас довели эмоции. Вот и занесло к нам, в глушь, чтобы вы отлежались, остыли. А эмоции – улеглись. Возможно, друг ваш ни в чем не виноват. Возможно, его оговорили. Бывает такое?

– Бывает, – со скрипом согласился Добров.

– Почему же вы поверили сразу, безоговорочно, не поставив на весы вашу дружбу?

– Я был в таком состоянии… Был готов принять любой удар, думал, что хуже не будет… Или по-другому: думал – пусть будет еще хуже!

– Вот видите! Ваша судьба держит вас здесь, чтобы вы разобрались в себе.

– Но ведь дело не во мне! Это внешние обстоятельства!

– Всегда дело в нас самих. Я думаю, ваша жена – не такой уж монстр. Ведь когда-то вы ее любили? Возможно, она просто хочет серьезно поговорить с вами. Возможно, надеется возобновить отношения ради сына.

– Я не стану возобновлять отношений! Пусть не надеется.

– Всегда можно найти компромисс, – возразила Полина.

Она не поддавалась на его воинственный тон, беседу вела спокойно, умиротворенно. «Как врач», – подумал Добров. Было приятно слушать ее. Суждения этой женщины утешали, как успокоительное. Хотелось верить в то, что она говорит.

– Пока люди живы, у них есть шанс. Враги могут стать друзьями, друзья могут и должны простить друг друга. Обидно тратить жизнь на ссоры и склоки.

Добров понял, что Полина говорит о себе. Она ничем не может восполнить свою утрату и, вероятно, многое хотела бы изменить в прошлом.

– Я так понял, Полина, что вы пять лет назад потеряли своего мужа?

– Потеряла, – спокойно кивнула Полина.

– А как все случилось? Или вам не хочется говорить об этом? Тогда не надо.

– Нет, отчего же? Скажу. Я вот врач, всем советы даю, а Колю недоглядела.

– Он болел?

– Да, он стал болеть, а я не могла понять, в чем дело. Точного диагноза не было. Слабость у него, вдруг весь потом покроется. То лежит целый день. Я его осмотрела, поняла, что печень увеличена. К врачам в район поехал. А там ему сказали: «Здоровый мужик, сорок лет, не стыдно по больницам таскаться?» Вроде как в симулянты его записали. Вернулся Коля и сказал: «К врачам меня больше не посылай». Так и лечила сама. А он не жалуется ни на что. Только иногда ляжет и лежит…

Полина помолчала. И Добров молчал, не зная, что сказать, и боясь прервать эту нечаянную исповедь. Вероятно, Полине, как и ему, было необходимо высказаться перед кем-то посторонним. Перед человеком беспристрастным, чужим. Она продолжала:

– Потом я все-таки вызвала на дом врача, нашего участкового. Вы его видели. Выписал уколы, они только Коле и помогали. А я уже к тому времени стала в клубе работать, и иногда мне приходилось заведующую на дискотеке подменять. Ну, на танцах дежурить. Уколы я делала мужу сама, строго по часам. В тот день суббота была, танцы. Я укол сделала и на дежурство ушла. Тимоха у деда после бани остался ночевать. А Коля вроде спать лег. Но, как оказалось, не уснул он. Плохо ему стало. Ночь уже была, час или два. Он стал звонить мне в клуб, это я так думаю. Но там такая музыка – грохот, шум. В зале телефона не слышно, аппарат ведь в кабинете заведующей стоит. А танцы у нас летом до утра, я домой часа в четыре пришла. Пришла – Коли нет. Я покричала во дворе: «Коля, Коля!» Решила – может, меня встречать пошел. Придет… Прилегла на минутку и уснула. А утром стук в окно разбудил. Девчонка соседская прибежала, восьми лет. Она еще ничего сказать не успела, только стукнула в окно. А я уже все поняла. И кричит: «Тетя Поля, ваш дядя Коля у Рябовых забора мертвый лежит!» Так и сказала. Корову в стадо выгоняла и увидела.

Я как-то сразу все поняла – что он шел-то ко мне, но другой дорогой. Вернее, это я пошла другой дорогой, потому что девочку пьяную домой отводила. У нас, знаете, девчонки, бывает, на танцах хуже парней напиваются… Я после этого стука в окно словно одеревенела вся, словно замерзла. Делала что-то, но ничего не соображала. Плакать не могла. Качалась на стуле, качалась…

Полина рассказывала, не видя собеседника. Она вся ушла туда, в свое горе.

Добров молчал, но ему казалось, он кожей чувствует, как ей было больно тогда, в то летнее утро. Она промокнула лицо полотенцем, которое держала в руках.

– Утомила я вас? – Виновато улыбнулась сквозь слезы. – Это я сейчас плачу. А тогда не могла. Не было слез. Только одна боль. Изнуряющая такая боль…

– Я понимаю.

– Я что-то разговорилась сегодня. Это впервые с тех самых пор. Плакать потом научилась, но говорить об этом не доводилось.

– Все проходит, – тихо сказал Добров и накрыл своей рукой руку Полины.

Она кивнула. Борису хотелось отвлечь ее от грустных мыслей, сказать что-то хорошее. Только он не мог придумать что. Ему хотелось рассказать ей, как он благодарен им с Тимохой за все. Он решил отблагодарить их по-настоящему щедро. Но не знал как. Все казавшееся простым и естественным до вчерашнего утра теперь могло выглядеть фальшивым, неуместным.

– Мне очень нравится ваш сын, Полина. Настоящий мужик.

– Спасибо.

– Учиться мечтает. Это хорошо. Только вам ведь одной непросто будет его выучить…

Полина пожала плечами:

– Я не одна. Отец мне помогает. А потом… Правильно вы заметили: он – будущий мужчина и в жизни будет пробиваться сам. Я в него верю.

– Я тоже, – согласился Добров. – Но считаю, что именно таким ребятам и нужно помогать.

Полина убрала перемытую посуду в буфет и вытерла стол. Взглянула на Доброва с недоверием. Ему так показалось. Он понял, что Полине не по душе разговор, но все же продолжил:

– Вы, Полина, с Тимофеем мне жизнь спасли. И я теперь тоже хочу что-нибудь для вас сделать. Но я не знаю, что именно вам нужнее в данный момент. Я мог бы оплатить Тимофею обучение. Нет, нет, вы выслушайте. Может, вы думаете, что это дорого? Для моей фирмы это нормально. Я в самом деле могу!

Добров торопился, потому что видел – Полина слушает его вполуха, она уже готовит ответ. Понял это по вспыхнувшему на щеках румянцу, по ставшему вдруг жестким блеску глаз.

– Конечно, это потом, в будущем. Но наверное, ему и сейчас много нужно. Компьютер, например. Вы лучше знаете, подскажите мне…

Полина улыбнулась почти неприметно. Он не мог расшифровать значение этой улыбки, во все глаза следил за изменениями в ее лице.

– Спасибо, – сказала она таким тоном, что он сразу догадался, что за этим последует. – Компьютер нам не нужен. Я как врач – против. Пока человеку четырнадцать он должен двигаться и постигать мир не через экран, а с помощью глаз, рук, ног. Пробовать его на ощупь и на вкус. А деревенский парень – тем более. Он должен научиться многим вещам, компьютер будет только отвлекать. Так что спасибо, конечно, но только нам ничего не надо. И ничего мы особенного не сделали. Если бы у вас на глазах человеку стало плохо, разве вы не помогли бы?

Он кивнул, лихорадочно выискивая новые аргументы. Вот если бы он мог без слов передать ей свои мысли, тогда все не выглядело бы так плоско, так банально!

На лице Полины появилась мягкая улыбка. В этой женщине не было ни тени кокетства. Ее волосы, связанные сзади крепким узлом, мягко спадали с затылка на шею. Они отливали красным деревом, и Доброву вдруг ужасно захотелось потрогать их – каковы они на ощупь? Мягкие и тонкие или, наоборот, упругие? Он машинально убрал руку со стола.

– Полина, вы только не обижайтесь, ради Бога. Как бы вам это объяснить… Я все думаю над вашими словами, ищу смысл в том, что произошло… Еще пару дней назад я был уверен, что живу единственно правильно, все делаю как надо. Я занимался делами фирмы, разводился с женой, собирался судиться с ней из-за сына. Думал о заказах, поставщиках и конкурентах, упихивая в свои сутки все тридцать часов! И вдруг меня выбросило из той жизни в ваше Завидово! И здесь вы… Не знаю, как объяснить, никогда так много не говорил. Здесь тоже жизнь, только как на другой планете… И вы, и ваш сын – вы такие настоящие…

– И вы решили осчастливить нас с помощью денег, – с мягкой улыбкой закончила за него Полина.

Добров развел руками. Ничего не получалось. Косноязычный он какой-то.

А она улыбалась и улыбкой смягчала свой однозначный отказ.

– Нет, конечно же – нет! – возразил он.

– Вы ищете смысл в том, что попали в нашу деревню, и находите его в нас с Тимохой. Дескать, мы нуждаемся в помощи и вас нам Бог послал?

Добров улыбнулся по-глупому и снова развел руками. Она будет права, если посмеется над ним и не станет больше слушать.

– А дело-то скорее всего в вас. Это вам устроили передышку. И друг ваш скорее всего не виноват. И даже если виноват, его вина не стоит вашей дружбы.

– Вы правда так думаете?

– Я почти уверена в этом!

– Ну вот. В таком случае получается, что вы мне снова помогли. А я-то что же? Так и останусь в неоплатном долгу?

– Нет, почему же? Вы тоже сделаете кому-то добро. Это же так просто… – Полина положила перед ним горсть сушеного боярышника: – Жуйте, это вам полезно. А курить нельзя совсем, бросать нужно.

– Это сложно, – вздохнул Добров. Полина уводила его от начатого разговора, а он снова вернулся к нему: – И все же я хочу что-то сделать для вас, – не сдавался он. – Ну хорошо. Не хотите компьютер, давайте я вам баню новую отстрою, забор ваш ремонта требует. На следующей неделе бригада приедет, быстро все сделают. Ладно?

– Нет. – Полина посмотрела на него с сожалением. – Что обо мне соседи скажут? Спонсора себе Петровна завела? Хоромы строит? Не годится.

– Да неужели для вас так важно, что люди скажут?! – возмутился Добров. – Каменный век какой-то!

– Важно, – серьезно возразила Полина. – Доктор на селе – это… Это почти как священник, понимаете? Они ко мне со всеми болячками, и с физическими, и с душевными. Я каждому в селе хоть раз помогла. Уважают они меня. И сын

уважает.

Добров не нашелся что возразить на это. Сейчас на ней была тонкая водолазка, которая плотно охватывала фигуру, выделяя грудь. Сверху играла гранями серебряная цепочка. Когда Полина двигалась, цепочка плавно смещалась, укладывалась поудобнее. Добров поймал себя на мысли, что его так и тянет поправить пальцем эту цепочку. Черт-те что! Все в этой женщине почему-то привлекало его. Хотя умом-то он прекрасно понимал: нет в ней ничего! Обычная она, обычная. Деревенская баба.

Он отвел глаза. Волнуясь, встал и прошелся по кухне. Мучительно искал аргументы, слова искал, чтобы продолжить разговор. Ему хотелось говорить с ней, знать ее мнение по разным вопросам, словно ей было известно то, что он, Добров, хотел бы знать, но не мог.

– И что же, вы их всех совсем бесплатно лечите? – уцепился он за ерунду. Хотя в принципе ему все было ясно. – Ведь у вас в деревне даже фельдшерский пункт закрыли, хоть там и зарплата была, я думаю, символическая. На что же вы живете?!

– Ну, совсем бесплатно не получается. Несут, кто что может: мед, яйца, варенье. Кто и носки свяжет для Тима, принесет. Но дело не в этом. Я люблю помогать людям. Мне это самой приятно. – Полина обезоруживающе улыбнулась.

Добров поверил. Она не играет, она находит для себя естественным и приятным просто помогать людям. И в этом она права, как и во всем остальном, и возразить нечего!

– И вам все равно, кому помогать? – попробовал Добров развить свою внутреннюю путаную мысль. – Вы их всех одинаково любите? То есть нет в деревне людей, которые были бы вам неприятны, вызывали у вас раздражение?

Полина добросовестно подумала, прежде чем ответить:

– Есть, наверное. Но когда человек нуждается в медицинской помощи или он попал в беду, это куда-то уходит. Я ведь про многих знаю такие вещи, которые больше никто не знает. Это очень ответственно.

– И вы храните все эти деревенские секреты?

– А какая разница, деревенские это секреты или городские? – холодно возразила Полина, и Добров понял, что снова ляпнул не то. – Вам спать нужно. Сердце нуждается в отдыхе, вы еще очень слабы. Ложитесь. Я схожу корову проведаю, она у нас вот-вот отелиться должна.

Полина накинула фуфайку и ушла. А он остался в кухне и все мерил ее шагами, продолжая начатый разговор. Пытался возражать Полине. Деревня вымирает, это видно. Молодежи здесь делать нечего. Полина – умная женщина, с высшим образованием. Не может она не видеть всей бесперспективности их с сыном существования здесь. И отказывается она от помощи не из гордости или упрямства, а просто из четких заключений своей невероятной логики. Следуя за ее мыслью, Добров пришел к выводу: чтобы отблагодарить Полину, ему нужно по меньшей мере поставить на ноги всю деревню. Окончательно запутавшись, так ничего и не придумав, Борис уснул под равномерное мурлыканье котенка.

Дядя Саня считал Лепешкина своим главным конкурентом и в чем-то был прав. Нет, Лепешкин не был неравнодушен к спиртному, как дядя Саня, не брал в долг самогонку у Кати Плешивки, и вообще пути дяди Сани и Лепешкина никогда не пересеклись бы, если бы не одна особенность деда Лепешкина – он был чрезвычайно домовит. Эта положительная в общем-то особенность постоянно ставила его на пути горького пьяницы Сани Калачева. Тот добывал себе на пропой разными путями, и одним из этих тернистых путей была стезя собирательства. В соседнем селе был пункт приема старого металла, и, конечно, Завидово было добросовестно очищено дядей Саней от старых труб, всевозможных железок и чугунных болванок. Так же в селе невозможно было найти брошенных пустых бутылок, ибо их охотно собирал дядя Саня, а по четвергам сдавал возле магазина приемщику из города. Усердию дяди Сани на этом поприще не было бы равных, не проявляй подобное же рвение дед Лепешкин. Тот в отличие от Калачева не имел конкретной цели и до поры мог не знать, для чего именно могла пригодиться та или иная вещь, но мощный инстинкт домовитости призывал его тащить в дом все, что плохо лежало. Сараю деда Лепешкина мог позавидовать районный краеведческий музей. Там хранились старинный сундук, несколько ржавых утюгов на кованых подставках, керосиновые лампы различных конфигураций, целое собрание сочинений вождя революции, списанное конторской библиотекой в период перестройки, огромный катушечный магнитофон, несколько сколоченных вместе стульев из зрительного

зала колхозного клуба и множество других разнообразных вещей. Частенько случалось так: присмотрит дядя Саня старый чугунный котел, выброшенный хозяевами при ремонте бани, побежит домой за тележкой, вернется – котла нет, как не было. А один раз меняли на конторе крышу, целый склад старой черепицы организовался позади здания. Он договорился с шурином, что за бутылку перетащит ему всю черепицу. Как же! Пришли они с шурином отобрать то, что получше, а там уж черепицы след простыл. Только отпечатки лап с остатками навоза кругом. Вот с тех пор задумал дядя Саня поймать Лепешкина с поличным, положить конец безобразиям! Только случая не было. И ведь насчет колес дядя Саня промедлил случайно. Совесть, что ли, в нем разговорилась? Машина как-никак стояла возле соседкиного двора. Может, родня приехала или знакомые. Сомневался некоторое время: взять, не взять? А колеса-то он сразу приметил. Поскольку дядя Саня находился в предчувствии запоя, то предприимчивый ум его работал особенно остро. И он просто дивился себе. Он сразу видел все ходы, как Чапаев. Колеса он оттащит Гуськовым, поскольку уже имел опыт сбыта разных автомобильных запчастей этим товарищам. За колеса с такой машинки можно запросить недешево. Надолго хватит. Разговорившаяся было совесть постепенно затихала. У него просто руки чесались, пока он курил на крыльце и обсуждал с соседским Полканом детали операции. Он сбегал в сарай за инструментом и довольно ловко снял колеса. Теперь нужно было приготовить место под них. Дядя Саня поругал себя за то, что сразу не продумал столь важную деталь. Домой зашел на пару минут, как ему показалось. Нужно было надеть что-нибудь потеплее. Пришлось немного полаяться со своей, вечно ей что-то надо. Потом расчистил место на погребе, приготовил мешки из-под картошки, чтобы забросать колеса. А когда вышел и, оглядевшись по сторонам, вдоль забора направился к заманчиво чернеющей машине, было уже поздно. Машина зияла пустотами, как раскрытый рот – отсутствием передних зубов. Колес поблизости не было. Дядя Саня был потрясен. Первым его движением было влететь на крыльцо и разбудить хозяев. Но неожиданно он встретился взглядом с глазами Полкана, прилипшего мордой к забору. Он подумал, что зря так откровенничал с собакой, и почему-то расхотел стучаться к Полине Мороз. Потом подумал, что хозяин машины мог выйти ее проверить и обнаружить снятые колеса. Убрать их во двор. Злой и озадаченный, он вернулся домой, решив подождать до утра. Утром решил обождать до вечера. Нашел предлог и послал супругу к Полине за какой-то надобностью, та принесла новости. А к вечеру, с готовым планом, он все же явился к соседям. И теперь вдвоем с Михалычем они затаились в сарае Нюры, соседки Лепешкина.

Глава 6

Любава нарочно пошла к ним до открытия магазина, чтобы поговорить с Семеном без свидетелей. Да, сначала не хотела. Да, через себя переступить пришлось. Но что делать-то? Только Семен может поставить Пухова на место. Кто еще?

В магазине было пусто. Наталья протирала прилавки мокрой тряпкой. Сильно воняло хлоркой.

– Семена позови, – не здороваясь, бросила Любава.

Наталья головы не подняла, яростно натирая прилавок.

Любава, не разглядывая магазин, сразу ревностно заметила все перемены. Холодильники перетащили в другое место, кондитерские изделия убрали на самую верхотуру. Ну уж это Наталья додумалась! Старухи придут, им надо, чтоб перед глазами лежало, чтоб понюхать и разглядеть. Для них это, к чаю. А теперь они печенье видят издалека, зато пиво под самым носом! Ну, умница, ничего не скажешь…

– Зачем он вам понадобился? – угрюмо поинтересовалась Наталья. – Снова отношения выяснять в магазине? Покупателей хотите нам распугать? Как в прошлый раз?

Эта вертихвостка решила упрекнуть ее грузовиком! Любава мгновенно почувствовала, как внутри ее что-то щелкнуло. Но она вовремя вспомнила о цели своего визита.

– Дело у меня к нему. Позови.

Наталья хмыкнула и дернула плечом. Это движение могло обозначать разное. Любава прочитала его примерно так: «Я не девочка, чтобы бегать за ним. Тебе надо, ты и ищи». Тогда она, не церемонясь, прошла мимо Натальи на склад. Там было темно. Пришлось вернуться. Больше всего хотелось сорваться, крикнуть Наташке в лицо все, что она о ней думает, но она напомнила себе: «Пекарня. Во что бы то ни стало забрать у Пухова оборудование. Как можно скорее. Помочь

может только Семен. Он должен помочь». О том, что он может отказаться, она даже думать боялась.

– Нет, что вы все ходите? – опередила ее Наталья. – Что вы успокоиться никак не можете?

По старой привычке Наталья называла ее на вы, как продавщица хозяйку. Но Любава видела: той очень хочется назвать на ты, показать себя ровней. Ведь теперь Наташка стала хозяйкой ее магазина, вдруг выбилась из ничего! В одно мгновение!

– Я тебя спросила: где Семен? – напомнила Любава.

Но Наталью, видать, подмывало. Хотелось высказать наболевшее.

– Он после прошлого раза едва отошел, а она обратно тут как тут! – всплеснула руками новоявленная хозяйка магазина. – Чё ходить! И так Семен все оставил – и квартиру, и гараж с баней. Все! Всю мебель! Ушел с одним чемоданом, так ей все мало!

Для удобства Наталья заговорила в третьем лице. Терла и терла хлорной тряпкой стекло холодильника, словно хотела протереть до дыр. Наверняка саниэпиднадзор в гостях побывал.

– А тебе, значит, мало магазина-то? Квартира моя приглянулась? – тихо заговорила Любава, чувствуя, как внутри набирает силу что-то постороннее, неподвластное ей. Если наберет – беда. Она за себя не отвечает…

– А что же? Квартиру-то вместе зарабатывали, вместе в совхозе работали. А получается…

– Когда мы с Семеном вместе ее зарабатывали, ты еще сопливая в начальную школу бегала, а уже перед пацанами юбкой трясла! – напомнила Любава. – Я помню, как ты к Феде-шоферу в кабину прыгала, жены не стеснялась!

– Нашла что вспомнить! Я виновата, что меня мужики любят? А тебя муж бросил, так ты теперь за ним ходишь, унижаешься! Смотреть стремно!

Наконец Наталья не выдержала, перешла на ты.

Любаве даже легче стало от этой ее наглости. Она оглядела магазин. Наталья не поняла этого ее взгляда. А Любава вобрала в него и коробки с зеленой редькой и луком, которые Наталья приволокла из материного погреба, устроила из цивилизованного магазина базар, и мешок с капустой – кто в деревне будет капусту покупать? И все Натальины глупости, устроенные в магазине даже не от неопытности, а чтобы просто было не так, как при старой хозяйке.

– Значит, я унижаюсь? – с нехорошей улыбкой переспросила Любава.

Но Наталья и тогда не угадала ее тона. Решила, что достала соперницу, влезла под кожу. Она плохо знала Любовь Петровну. Не довелось.

– Ну что ж, не буду унижаться. Нет Семена? Не надо. Обойдусь…

При этом она небрежно, враскачку двинулась в сторону овощей и легко, одним метким движением перевернула на пол и редьку, и лук. Зеленые и желтые корнеплоды с многочисленным стуком покатились врассыпную. Наталья и охнуть не успела, как мешок был перевернут и капуста с грохотом рассыпалась по кафельному полу магазина, вслед за собратьями по огороду.

Наталья истошно завизжала. Ее визг только подогрел Любаву. Под руки попалась коробка с длинными макаронами – Любава подняла ее повыше и бросила. С хрустом и даже подобием звона полетели макароны. Теперь уже Любаве стало все равно, она бросала на пол все, что могла достать рука. Наталья метнулась в подсобку. «Семену звонить», – удовлетворенно подумала Любава и шмякнула на пол коробку с чистящими средствами. На этом ее пыл неожиданно кончился. Она почувствовала, что устала. Поняла, что Семен не станет помогать ей после учиненного погрома, а будет только орать и ругаться. А ругаться с Семеном она не в состоянии, поскольку весь свой заряд истратила на Наталью. Повернулась и вышла из магазина.

Она пришла к кабинету нотариуса и молча оглядела огромную очередь. Казалось, тут толклось полрайона. Очередь дружно обернулась и уставилась на новенькую. Лица были настороженные и уже заранее агрессивные. Наверное, как и у нее самой. Всех их нужда пригнала сюда, Любава догадывалась. Но тем не менее она не стала спрашивать, кто последний.

– Мне назначено. Я ко времени пришла, – угрюмо сообщила она.

Очередь, как разворошенный улей, загудела дружно и воинственно. Любава приосанилась. Она была готова к борьбе. Яростно работая локтями, прокладывала себе путь в тесной комнатушке, двигаясь к единственной двери с надписью «Нотариус Кац Светлана Альбертовна». По пути она успела услышать суть всех проблем, приведших полрайона к этой двери. Суть излагалась ей в уши в весьма неприветливых выражениях. После инцидента с Натальей Любаву не могла смутить такая мелочь. Она увидела, что дверь нотариуса приоткрывается со стороны кабинета, и рванула к ней. Оказалась внутри кабинета, прежде чем очередь успела воспрепятствовать. Дружный неистовый общий вздох потряс приемную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/znamenskaya_alina/zhenschina-zima

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить